

ДЕСЯТЫЙ ПЕРИОД

Октябрь-декабрь 1944 года: от визита Черчилля в Москву до Ялтинской конференции; политические соглашения военного времени и координация стратегических программ

Черчилль в Москве, октябрь 1944 года; европейские дела, военные и гражданские

Черчилль пришел к выводу, что ему необходимо лично переговорить со Сталиным, а не продолжать бесполезный обмен посланиями. Сталин говорил, что не может оставить Россию ради еще одной личной встречи. Когда Гарриман посетил Сталина 23 сентября, чтобы доложить о решениях Квебекской конференции, тот показался ему «более измотанным, чем когда-либо, и еще не полностью поправившимся» после длительного гриппа. Посол передал Сталину слова президента о том, что ему придется отложить встречу до окончания выборов в Америке, но он подумывает о ней в конце ноября и считает, что Средиземное море будет приятным и взаимоприемлемым местом. Сталин согласился, что такая встреча очень желательна, но повторил, что боится запрета врачей на путешествие даже на теплое Средиземное море, поскольку те считают вредной для него любую перемену климата. Гарриман попытался уговорить его проще относиться к советам медиков, пообещав, что к ноябрю у него могут появиться несколько новых докторов. Сталину, похоже, понравилась эта мысль, но окончательного ответа он не дал.

Не видя другого выхода, Черчилль решил снова совершить тяжелое путешествие в Москву, чтобы увидеться с непоколебимым главой Советского государства, с которым, напишет он позже в мемуарах, «всегда можно говорить как человек с человеком».

27 сентября он указал на важность своей задачи, написав Сталину, что после возвращения с долгих переговоров с президентом (в Квебеке и Гайд-парке) он может заверить Сталина в их твердой уверенности, что надежды мира зиждутся на согласии между Соединенными Штатами, Великобританией и Советским Союзом. Он добавил: «Я с удовольствием приеду в Москву в октябре, если мне ничто не помешает». Два дня спустя, рассказав Рузвельту о нежелании Сталина выезжать из Москвы по состоянию здоровья, Черчилль информировал его:

«В данных обстоятельствах мы с Энтони всерьез подумываем о том, чтобы в ближайшее время вылететь туда (в Москву)... Перед нами стоят две большие задачи: во-первых, окончательно решить вопрос о его вступлении в войну с Японией, во-вторых, попытаться повлиять на дружественное урегулирование отношений с Польшей... Будут также обсуждаться вопросы, связанные с Югославией и Грецией. Мы будем держать вас в курсе по каждому вопросу. Для нас, конечно, было бы желательно участие Аверелла (Гарримана. – *Примеч. авт.*) или, возможно, Стеттиниуса или Маршалла. Я уверен, что личный контакт очень важен».

Рузвельт не сделал никаких прямых замечаний ни по поводу инициативы Черчилля предпринять поездку в Москву, ни по поводу содержания дискуссии, предложенного Черчиллем. В первом ответе (от 30 сентября) он только сказал, что даст указание Гарриману оказывать ему необходимую помощь, но представительство Стеттиниуса или Маршалла ему не кажется ни практичным, ни выгодным. В тот же день Сталин информировал Черчилля, что в октябре с удовольствием примет его или Идена в Москве, и выразил наилучшие пожелания. Черчилль счел этот ответ «в высшей степени приветливым» и твердо решил ехать.

Гопкинс нервничал по поводу исхода встречи двоих без Рузвельта. Узнав, что президент собирается отправить Черчиллю послание, что, по его мнению, подразумевало

согласие с тем, что премьер-министр будет говорить от имени как британского, так и американского правительств, Гопкинс убедил президента, чтобы тот был осторожен. Гопкинс задержал это послание и составил другое, которое Рузвельт направил Сталину 1 октября. В нем говорилось: «Вы понимаете, я уверен, что в нынешней всемирной войне нет буквально ни одного вопроса – военного или политического, в котором не были бы заинтересованы Соединенные Штаты. Я твердо убежден, что мы втроем, и только втроем можем найти решение по еще не согласованным вопросам. В этом смысле я, вполне понимая стремление г-на Черчилля встретиться, предпочитаю рассматривать Ваши предстоящие беседы с премьер-министром как предварительные к встрече нас троих, которая, поскольку это касается меня, может состояться в любое время после выборов в Соединенных Штатах».

Далее он продолжил: если его предложение приемлемо для Сталина и Черчилля, он бы хотел, чтобы на переговорах присутствовал Гарриман – в качестве наблюдателя. «Г-н Гарриман, конечно, не был бы в состоянии дать от имени правительства Соединенных Штатов обязательства по важным вопросам, которые, вполне естественно, будут обсуждаться вами и г-ном Черчиллем».

Эти меры предосторожности, как и следовало ожидать, весьма позабавили Сталина. Он ответил Рузвельту: «Ваше послание от 5 октября несколько озадачило меня. Я полагал, что г-н Черчилль едет в Москву по уговору с вами в Квебеке. Оказалось, однако, что это мое предположение как будто бы не соответствует действительности. Мне неизвестно, с какими вопросами едут в Москву г-н Черчилль и г-н Идеи. Мне об этом ничего не сообщали до сих пор ни тот ни другой. Г-н Черчилль выразил желание в своем послании на мое имя приехать в Москву, если не будет возражений с моей стороны. Я, конечно, ответил согласием». Такое же послание, как Сталину, президент послал и Черчиллю. В отношении присутствия Гарримана он писал: «Пока, естественно, Аверелл не будет уполномочен принимать какие-либо обязательства от имени Соединенных Штатов. Я не могу позволить кому-нибудь связывать меня обязательствами заранее. Он будет держать меня полностью в курсе, а как только встреча закончится, вернется в Штаты и проинформирует меня».

Президент объяснил идею привлечения Гарримана. Он сказал, что считает эту встречу Сталина и Черчилля предварительной перед полновесной встречей всех троих. Он посоветовал послу иметь в виду, что его и Хэлла напрямую касаются все вопросы, которые будут обсуждать Сталин и Черчилль, и потому важно, чтобы после этой встречи они имели полную свободу действий.

В послании от 5 октября Черчилль ответил, что будет только рад присутствию Гарримана на основных совещаниях, но уверен, что Рузвельт не будет возражать против частных, с глазу на глаз, переговоров между ним и Сталиным или между Молотовым и Иденом. По прибытии в Москву, 9 октября, Черчилль уведомил об этом Гарримана. Он также очертил перед ним круг вероятных тем и свою позицию, в том числе поделился идеей попытаться выработать какие-нибудь соглашения относительно сфер влияния на Балканах. Передавая эту информацию президенту, Гарриман спросил, не хочет ли тот, чтобы он попытался принять участие в личных переговорах между Сталиным и Черчиллем. Президент ответил отрицательно, сказав, что он должен присутствовать только на тех встречах, на которые его пригласят, и только в качестве слушателя или докладчика.

Как будет видно из повествования, Гарриман был рядом с Черчиллем и Сталиным при всех их беседах, кроме некоторых личных бесед во время досуга. Черчилль с Иденом полностью и быстро информировали его, интересовались его мнением и передали ему и генералу Дину, как этого пожелало американское правительство, ведущую роль в обсуждении планов участия Советского Союза в военных действиях на Тихом океане. Однако личное отсутствие Рузвельта было той изоляцией, к которой стремился президент до окончания войны. Он хотел избежать обсуждения запутанных европейских вопросов,

которые, по его мнению, не имели идеального решения.

Обмен военными сведениями во время московского визита был искренним и обширным. Русские черпали уверенность в том, что они узнавали об американско-британских планах, а на британцев и американцев произвели благоприятное впечатление планы советского правительства. Каждый принимал программу другого без критики, страха и чувства соперничества.

Британские, советские и американские военные (генерал Брюс от Британии, генерал Антонов от СССР и генерал Дин от Соединенных Штатов) рассмотрели состояние театра военных действий в Европе на 14 октября, а Черчилль и Сталин время от времени комментировали ситуацию. Собранные вместе, их толкования давали исчерпывающую картину нынешней ситуации и намечали перспективы на будущее. Американские и британские участники встречи обрисовали ситуацию следующим образом:

1. Для победы на Западном фронте необходимо сохранить весь действующий состав войск, но скорость их наступления зависит от потока поставок и всесторонней поддержки.

В планы союзников входило дойти до Рейна, затем форсировать переправы к северу и югу от Рура и окружить его. Затем основное направление удара должно быть направлено на Берлин. Одновременно: а) сделать рывок на Северном фронте в направлении на Франкфурт и повернуть на север в направлении на Лейпциг; б) американская и французская армии, пришедшие из Марселя, пройдут по Белфортскому ущелью, форсируют Рейн и двинутся на восток. Черчилль заметил, что успех операции зависит от русских войск, задача которых – не дать немцам перебросить войска на запад. Сталин пообещал, что русские выполнят свою задачу.

2. Александер в результате прорыва, осуществленного поздним летом, перешел Готическую линию на побережье Адриатического моря. 5-я армия Кларка рвалась перейти Апеннинский хребет в центре. Пока Черчилль пребывал в Москве, бои были в самом разгаре и союзные командующие в Италии надеялись прогнать немцев за реку По и выставить их хотя бы из Северо-Западной Италии. Но нужно заметить, что битва в центре Италии достигла кульминации несколько дней спустя (между 20 и 24 октября), а затем, по словам Александера, «благодаря проливным дождям, штормовым ветрам и истощению 5-й армии немецкая линия обороны укрепилась».

3. Был намечен возможный план высадки британского десанта на полуостров Истрия и последующего перехода через Юго-Западную Югославию, через Альпы и дальше на Вену, где он соединится с советскими войсками, наступающими с востока.

Черчилль и Сталин обговорили это в ходе долгого дружеского обеда 11 октября. В Тегеране Сталин чуть не высмеял подобную операцию как бесполезную: слишком далеко от сердца Германии! Теперь он неожиданно похвалил ее. Советский маршал начал расхваливать тактику окружения, которую так успешно применила Красная армия в Сталинграде и которая была применена в Венгрии и под Варшавой. Он подробно проанализировал идею прямого нападения на линии немецкой обороны вдоль Рейна и в Италии, которая может обойтись намного дороже, чем это необходимо. Сталин поинтересовался: не лучше ли было попытаться окружить эти позиции? Существующую линию в Италии, заметил он, могут обеспечить пятнадцать из двадцати пяти дивизий союзных войск в этой стране, а остальные десять могут через Истрию обойти немцев с фланга и помочь Красной армии продвигаться через Венгрию в Австрию.

Затем, во время официальной военной дискуссии 14 октября, Сталин и генерал Антонов повторили предложение. В соответствии с соглашением, заключенным Сталиным с Тито, русские войска в Югославии не продвинулись дальше Белграда; они предоставят войскам Тито очистить от немцев остальную часть страны. Сталин сказал, что он будет рад видеть, как британцы продвинулись к северу от Истрии, перейдут через горы и присоединятся к советским войскам, которые, он надеялся, пройдут на запад от Венгрии к окрестностям Вены.

Поневоле теряешься в догадках, почему именно в это время и впервые Сталин

одобрил такую стратегию. Только ли потому, что он хотел тем самым создать угрозу немецким линиям на юге с фланга и с тыла, чтобы быть уверенным, что они не смогут перебросить войска к его Центральному фронту в Венгрии, где немцы уступали милью за милей? Или он показывал свое искреннее намерение подчиняться хартии «сфер влияния», которую они с Черчиллем наметили несколько ночей назад, кто знает? Или он пытался вовлечь британцев в конфликт с Тито, который, он знал, противился высадке их десанта в Югославии?

Хотя предложение Сталина по совместным операциям на юге очень привлекало Черчилля и его советников, они чувствовали, что вынуждены воздержаться от немедленных шагов к его выполнению. Брук заявил, что десантная операция на полуострове Истрия готовится, но она не может быть осуществлена, пока не будет очищена от немцев Италия и не переправлена техника с юга Франции. Обстоятельства, влияющие на успех осуществления этого плана, складывались неблагоприятно. Президент и Объединенный комитет начальников штабов все время отклоняли просьбы Черчилля перебросить две-три дивизии из Франции в Италию на том основании, что будет неразумно ослаблять силы во Франции, чтобы истощить эти дивизии во время зимней кампании в Италии. Попытки союзников очистить Шельду и открыть порт Антверпен затягивались. В то время как Черчилль, Сталин и их военные советники с энтузиазмом обсуждали возможность высадки десанта на полуостров Истрия, Тито критиковал действия британцев по занятию какого-либо порта Адриатического моря, даже при скромной помощи его партизан. В послании генералу Уилсону он написал, что югославский народ обеспокоен присутствием британских сил и подозрительно относится к их намерениям. Изменение поведения Тито, возможно, объясняется недовольством второстепенной ролью, отведенной югославским силам в планах союзников, касающихся Истрии, Австрии и Венгрии, изложенной в меморандуме, переданном Тито начальником штаба генерала Уилсона.

Скажем заранее, что оптимистические планы, которые генерал Уилсон представил на рассмотрение Объединенного комитета, приводили к выводу, что до февраля 1945 года высадка войск ни на далматинское побережье, ни на полуостров Истрия невозможны. Глубоко разочарованный Черчилль тем не менее рассудил, что любого преимущества, достигнутого с помощью столь поздно начавшейся операции, будет недостаточно для оправдания ослабления кампании в Италии, которое для этого потребуется. В декабре проект был окончательно отвергнут.

4. Британцы осуществляли свой план переброски войск в Грецию. Первыми высаживались десантные войска и десантно-диверсионные части морской пехоты, затем более крупные подразделения. Перед ними стояли две задачи: стремительно выгнать немцев из Афин, занять город и его окрестности, а потом отогнать немцев к северу. Немцы оставили Афины, а на следующий день Уилсон направил парашютно-десантные отряды на освобождение ближайшего аэродрома. Несколько дней спустя законное греческое правительство, возглавляемое Папандреу, переехало в столицу. Однако было сомнительно, удастся ли этому режиму установить свою власть в стране, распустить множество партизанских отрядов и создать собственную армию и полицию. Несмотря на невмешательство Сталина, греческие коммунисты рассчитывали на право, которого Черчилль добился в Москве, а именно право свободы во всех делах, касающихся Греции. Шаткое право!

В свете обзора ситуации на Западе генерал Антонов доложил об операциях и планах Красной армии на Восточном фронте. В самых общих чертах они выглядели так:

1. На севере, в Прибалтике и Северной Финляндии, бои будут вестись до полного уничтожения немецких войск. Тридцати немецким дивизиям, сражающимся на этой территории, все пути отступления по морю отрезаны.

2. На южной границе советские войска сосредоточатся на занятии Венгрии и окружении как можно большего количества из двадцати трех немецких дивизий,

дислоцирующихся в этой стране. Это будет основное направление наступления советских войск. Из Венгрии Красная армия направится в Австрию на штурм Вены. Взятие Вены откроет путь в Германию, на запад Чехословакии, а оттуда на северо-запад к Одеру и Бреслау.

3. На Центральном фронте (от Литвы до Карпат), где немцы сосредоточили две трети дивизий, действующих на Восточном фронте, советские войска будут непрерывно наступать. Время наступления на Восточную Пруссию и начала операции по окружению Варшавы будет зависеть от успехов операций на севере и юге.

4. После прояснения ситуации в Прибалтике и выхода из войны Венгрии советские войска приступят к осуществлению своей конечной цели – вторжению в Германию. Трудно сказать, по какому направлению будет осуществляться это вторжение, может быть, с востока, может быть, с юга, а может быть, сразу с обоих направлений.

Гарриман послал президенту изложение этих планов и намерений, а генерал Дин направил более детальный отчет Объединенному комитету начальников штабов. Таким образом, американское военное командование было заранее информировано о предполагаемых действиях советских войск и обо всем, что касалось действий союзных войск на Западе и в Италии. Советские войска при проведении операций старались не отступать от изложенных планов.

Стоит отметить, что при обсуждении военных действий никем не было сказано ни слова, ни намек, что они преследуют или будут преследовать политические цели, а именно получение контроля над какой-либо территорией на Востоке или на Западе. Ни один из участников по окончании переговоров, похоже, не чувствовал, что это уже происходит, а если и почувствовал, то никак не зафиксировал. Вероятно, это случилось потому, что еще на ранней стадии переговоров Черчилль и Сталин в рабочем порядке согласились, что в одних вопросах главенствующая роль будет принадлежать британцам. в других – Советскому Союзу.

Черчиллю было жаль отказываться от попытки договориться с русскими по вопросу разделения сфер влияния на Балканах. Напомним, американское правительство противилось этому. Советское правительство ускользнуло от обсуждения этого вопроса, якобы уважая мнение американцев. В начале августа оно коварно направило из Италии свою делегацию к коммунистам (БАМ) в Северную Брещию (которая по негласному соглашению относилась к сфере влияния Великобритании). Черчилль счел это вероломством и прекратил всякие попытки дипломатического урегулирования до личной встречи со Сталиным. Но ему по-прежнему казалось, что единственно правильный путь – это добиться трезвого подхода по отношению к каждой из Балканских стран, стоящих перед лицом военных и политических переворотов, предотвратить перерастание локальных беспорядков в гражданские войны и избежать конфликтов с советскими и местными коммунистами. Во время первой беседы со Сталиным, в ночь на 9 октября, в присутствии Молотова и Идена, Черчилль, устроив так, что польское правительство в изгнании пригласили в Москву, высказал свое предложение. О том, что произошло потом, а это произошло быстро, нельзя рассказать лучше, чем словами самого Черчилля.

К слову сказать, в своем более позднем отчете Черчилль ошибочно включил Барримана в число присутствовавших на этой беседе. Он на ней не присутствовал.

«Момент благоприятствовал ведению дел, поэтому я предложил: „Давайте уладим наши дела на Балканах. Ваши войска стоят в Румынии и в Болгарии. У нас там имеются интересы, миссии и агенты. Не будем действовать наперекор друг другу в мелочах. В том, что касается Британии и России, как вы посмотрите на то, чтобы иметь превосходство в девяносто процентов в Румынии, а мы девяносто процентов влияния в Греции, в Югославии же поделить наше влияние пополам?“ Пока мои слова переводили, я написал на половинке листка бумаги:

„Румыния: Россия – 90 %, остальные – 10 %;
Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90 %, Россия – 10 %;
Югославия: 50–50 %;
Венгрия: 50–50 %;
Болгария: Россия – 75 %, остальные – 25 %“.

Я пододвинул листок Сталину, который к тому времени уже выслушал перевод. Наступила короткая пауза. Затем он взял синий карандаш, нарисовал на листке большую галочку и протянул его обратно нам. На решение вопроса потребовалось не больше времени, чем на то, чтобы сесть. Конечно, мы долго и тревожно обсуждали наши точки зрения и обговаривали только вопросы, непосредственно относящиеся к военному времени. Все более важные вопросы были оставлены обеими сторонами до той поры, когда мы, как надеялись, соберемся за мирным столом по окончании войны. После этого воцарилась долгая тишина. В середине стола лежала исписанная карандашом бумага. В конце концов я сказал: „Не может ли показаться несколько циничным, что мы так грубо решаем вопросы, столь роковые для миллионов людей? Давайте сожжем бумагу“. – „Нет, сохраните ее“, – сказал Сталин“.

История о том, что произошло, и о том, что это значило, была рассказана Гарриману только фрагментально, и он передал ее президенту в том виде, в каком узнал сам. В первом совместном послании, которое Черчилль и Сталин отправили Рузвельту 10 октября, они лишь сказали: «Нам надо обсудить, как лучше всего договориться о согласованной политике относительно Балканских стран, включая Венгрию и Турцию». За ленчем в этот день Гарриману сказали, что в черновик этого послания президенту Черчилль включил следующую фразу (насколько точно смог вспомнить Гарриман): «...принимая во внимание наши столь различные обязанности по отношению к ним». Сталин предложил опустить эту фразу, в которой ясно подразумевались сферы влияния. Услышав это, Гарриман в присутствии Черчилля сказал Сталину, будто он уверен, что президент будет рад, что эту фразу опустили, поскольку, по его мнению, эту тему должны рассматривать все трое. Сталин ответил, что рад это слышать, и за спиной Черчилля пожал Гарриману руку.

В следующем послании президенту (11 октября) Черчилль осторожно попросил об одобрении. «Совершенно необходимо, – говорил он, – попытаться прийти к общему мнению по вопросу о Балканах, чтобы предотвратить гражданскую войну в нескольких странах, когда, вероятно, мы с вами будем симпатизировать одной стороне, а Дядя Джо – другой. Я буду постоянно держать вас в курсе, и здесь не будет принято никаких решений, кроме улаживания предварительных соглашений между Британией и Россией, как предмета будущего обсуждения и договоренности с вами. На этом основании, я уверен, вы не будете возражать против нашей интеллектуальной встречи с русскими».

В тот же день президент получил от Гарримана более определенное объяснение того, что пытаются сделать британцы и почему – большей частью на основании рассказа Идена. Посол сказал, что Черчилль использовал термин «сферы влияния», но Идеи утверждает, что его цель – лишь разработать практическое урегулирование процесса решения проблемы каждой страны и как нужно в каждом случае разделить ответственность Советского Союза и Британии.

Премьер-министр и государственный секретарь, продолжал Гарриман, полагают, что в Румынии Россия на основании условий перемирия в любом случае имеет полную свободу действий. Они пытались убедить Молотова предоставить британским и американским членам Контрольной комиссии в Болгарии больше власти, чем в Румынии, и равное с советскими членами положение после окончания военных действий в этих странах. В отношении Югославии они сформулировали свою позицию так: советское правительство вместе с британским и американским правительствами принимает участие в урегулировании всех югославских разногласий. Что касается Греции, они стремились добиться у Советского Союза обещания держаться в стороне и склонить греческих

коммунистов играть конструктивную роль в национальном правительстве. Ситуацию в Польше сочли совершенно иной, нуждающейся в особом разрешении с участием всех трех стран.

Стоит твердо помнить, что американское правительство в это время прилагало подобные же усилия к тому, чтобы заручиться поддержкой Советского Союза в деле урегулирования отношений между китайским национальным правительством и китайскими коммунистами. Сталин и Черчилль, похоже, хотели, чтобы американское правительство взяло на себя направляющую роль в развитии политической эволюции в этой стране; и американское правительство взяло это на себя. Точно так же стало понятно, что Британия будет играть главенствующую роль в решении вопросов Юго-Восточной Азии.

Ответ президента на несколько отчетов из Москвы о разделении сфер влияния на Балканах был сдержанным и уклончивым. Получив 11 октября первый отчет Гарримана, он сделал единственное замечание: «В настоящее время мой активный интерес на Балканах заключается в том, чтобы предпринять все возможные шаги для того, чтобы застраховаться от вступления Балкан в международную войну в будущем». На следующий день, 12 октября, в знак признания совместного обращения, посланного Сталиным и Черчиллем два дня назад, он им ответил: «Я был очень рад узнать, что вы оба договариваетесь об общей точке зрения в отношении международных политических дел, в которых мы все заинтересованы ввиду наших нынешних и будущих общих усилий, направленных к предотвращению международных войн». Хотя этот ответ мог быть написан до того, как президент получил отчет Гарримана, основанный на рассказе Идена (посланный из Москвы накануне), он, по всей вероятности, увидел его раньше, чем он был направлен совещающимся главам государств.

Короче, совершенно очевидно, Рузвельт согласился с Черчиллем, что некоторая договоренность, вроде той, о которой было доложено, желательна, если не обязательна. Но он по-прежнему сдерживал официальный интерес к положению в Восточной и Центральной Европе, кроме тех ситуаций, которые могли повлиять на настроение в Соединенных Штатах. Он твердо решил по окончании выборов многое сказать об урегулировании положения на Тихом океане. Но полагая, что удачное решение многих европейских проблем найти почти невозможно, он хотел, по возможности, остаться в стороне от них, кроме тех, что касались Германии.

Сотрудники Государственного департамента все больше осознавали необходимость бдительности в отношении политической ситуации, развивающейся в странах Восточной и Центральной Европы. Они сосредоточились на разногласиях между Россией и Британией и рассматривали деятельность обоих государств как попытку каждого получить выгоду за счет другого, а следовательно, неблагоприятную для будущего мира. Это привело к тому, что департамент проявил критическую сдержанность и следовал стратегии «откладывания». Он пытался остановить продвижение войск, гражданские войны, попытки дипломатов беспрестанно проталкивать точку зрения, что послевоенным урегулированием в Европе должен править принцип, а не соседство, политические связи или сила.

Черчилль и Сталин продолжали делить сферы влияния, предполагая, что Вашингтон им больше не помеха. В Греции, договорились они, британцам позволяется вести дела без вмешательства Советского Союза. По Югославии они договорились, что обратятся к Тито и Шубаичу, убеждая их встретиться и совместно решить их проблемы. Они сообщили, что собираются попытаться способствовать заключению соглашения между королевским югославским правительством и движением национального освобождения и что они признают неотъемлемое право югославского народа самому определять будущее устройство своего государства. Что же касается Болгарии, они дополнили условия перемирия. Молотов не удовлетворил просьбу Идена, чтобы американским и английским

членам предоставили больше голосов в Контрольной комиссии при решении вопросов по этой стране, но согласился, что после окончания войны с Германией положение следует изменить.

О том, как поступить с Венгрией, спор шел более ожесточенный. Американцы и британцы полагали, что это западная страна, не имеющая каких-либо исторических связей с Россией или славянскими странами. Однако она приняла участие в нападении на советский народ, находившийся в критическом положении, и оказала существенную помощь немцам. Как уже было сказано, предварительные условия перемирия, совместно сформулированные тремя правительствами, были посланы регенту Хорти как раз перед тем, как Черчилль приехал в Москву. Красная армия пересекла границу и 10 октября дошла до Дебрецена. Режим Хорти быстро принял предложенные предварительные условия, и 13 октября Молотов поспешил выдвинуть перед британцами и американцами предложения Советского Союза на более длительный период. Сталин на бумаге согласился, что в Венгрии британцы должны иметь равную долю с русскими. Но из нынешних предложений советского правительства стало ясно, что договориться с ним будет трудно. Оно попросило почти такого же контроля, как в Румынии, где России было даровано самое большое влияние, и разрешения советскому главнокомандующему безраздельно властвовать в Венгрии. А также оно попросило репараций, которые, пусть и не столь несправедливая плата за страдания и нанесенный ущерб советскому народу, все же были слишком тяжелы для такой маленькой и измотанной страны. Советские власти желали уменьшить военный и промышленный потенциал Венгрии, и их ничуть не волновало, что это может вызвать страдания народа и общественные беспорядки. Вероятно, они склонялись к мысли, что экономические бедствия ослабят консервативные элементы, правящие в Венгрии, и ускорят появление групп, которые будут искать поддержку в Москве. Американское правительство проявило активность и заявило протест. Молотов проявлял упрямство, но согласился почти вполниту уменьшить запрашиваемую сумму.

Этот спор об условиях перемирия в Венгрии оказался преждевременным. События снова нарушили ход переговоров. Венгерское правительство запаздывало с принятием предварительных условий. Советское правительство призывало его принять их в течение двадцати четырех часов и, более того, тотчас же порвать отношения с немцами, вступить в борьбу с ними и вывести все венгерские войска из Румынии, Югославии и Чехословакии. Немецкий ультиматум оказался сильнее требований русских. 15 октября радио Будапешта сообщило, что регент попросил о перемирии. Отряды СС попытались захватить радиостанцию, чтобы помешать этому, но им было оказано сопротивление во время трансляции. На следующее утро немецкие отряды под командованием Скорцени, спасителя Муссолини, напали на Бург, регент сдался и отрекся от власти. На смену ему пришло марионеточное правительство. Огромные силы Красной армии начали наступление с юга. Немецкие дивизии сосредоточились в западной части страны. Часть венгерской армии продолжала сражаться на стороне немцев, в то время как другая часть перешла на сторону русских и присоединилась к борьбе против немцев. Дискуссии и решения основных союзников о том, как организовать перемирие в Венгрии, зависели от хода великой кампании, еще продолжающейся в этой стране.

Черчилль в Москве: попытка достичь соглашения в Польше

Польша не была в числе стран, в которых Черчилль и Сталин разделили свои сферы влияния. Но из всех спорных вопросов, заставивших Черчилля приехать в Москву, этот, вероятно, был наиболее непреодолимым. Еще во время переговоров с Миколайчиком в Лондоне у премьер-министра возникло предчувствие, что с течением времени дела в Польше будут идти все хуже и что шансов на урегулирование, которое позволило бы появиться по-настоящему независимому польскому государству, будет становиться все

меньше. Идеи же был твердо уверен, что именно это и произойдет. Он полагал, что главное – безотлагательно реконструировать польское правительство в Лондоне и добиться договоренности с люблинской группой.

Прежде всего Черчилль и Сталин договорились тотчас же пригласить Миколайчика и двух его ближайших помощников в Москву. Черчилль спешно отправил Миколайчику послание, в котором говорилось, что он и его друзья приглашаются в Москву на беседу с советским правительством, им самим и люблинским комитетом. Он сказал, что отказ будет рассматриваться как решительное отклонение его приглашения и освободит британское правительство от дальнейшей ответственности перед польским правительством в Лондоне. О своих действиях он также уведомил Рузвельта.

Миколайчик, который до того отказывался ехать в Москву, чтобы вторично представить польские дела на рассмотрение Сталина, сдался. 12 октября он спешно прибыл в Москву. Однако его свобода вести переговоры с люблинскими поляками была ограничена. потому что коллеги в Лондоне взяли с него обещание стойко придерживаться условий меморандума, который был вручен правительствам союзников 30 августа. Следует вспомнить, что по этим условиям каждая из пяти бывших политических партий, в том числе и коммунистическая, должна иметь равное представительство в новом правительстве. О границах было сказано, что площадь новой Польши будет такой же, что и до войны, и включать в себя «на востоке основные центры польской культуры и источники сырья».

В этой первой значительной беседе с Черчиллем (на которой присутствовали также Гарриман и Кларк Керр) Миколайчик основывался на условиях этого меморандума. Он держался дружелюбно, но с вызовом. «Наша цель, – утверждал он, – заключить соглашение между Польшей и Россией, а не между Россией и горсткой поляков, произвольно и односторонне выбранных иностранной властью».

Черчилль пытался склонить его к компромиссу. Но Миколайчик упрямо ответил, что невозможно формально слить польское правительство в Лондоне с люблинским комитетом; нужно идти глубже и формировать совершенно новое правительство, в котором должны принимать участие все демократические элементы Польши. Каждая из пяти политических партий должна быть равноправной до тех пор, пока не представится возможность провести выборы. Реакция Сталина была резкой. В предложениях Миколайчика, сказал он, есть два огромных недостатка. Во-первых, в них игнорируется Комитет национального освобождения, который выполняет важную работу на освобожденной территории Польши и пользуется широкой поддержкой армии и народа. Во-вторых, они не реагируют на предложения Советского Союза относительно границ; если поляки хотят иметь хорошие отношения с Советским Союзом, они должны признать линию Керзона. На что Миколайчик возразил: «Вы игнорируете польское правительство, создавшее сильную армию, флот и воздушные силы, которые сейчас борются на всех фронтах».

В последовавшей за этим дискуссии разногласия стали еще яснее. Черчилль утверждал, что британское правительство поддерживает предложение Советского Союза не потому, что Россия сильна, а потому, что она права: «...понятно, конечно... что союзники будут продолжать войну против Германии, чтобы Польша получила другие территории, кроме Силезии и Восточной Пруссии, которые бы компенсировали ей территориальные потери на востоке. Так будет образована великая Польша; не та, что была основана в Версале, а настоящий дом, где польский народ сможет жить в безопасности и процветании», – было написано в меморандуме Фрэнсиса Б. Стивенса, секретаря американского посольства в Москве.

Миколайчик резко отклонил предложение. Он решительно возразил, заметив, что не может согласиться ни со Сталиным, ни с Черчиллем и не может принять линию Керзона. Сталин был бы о нем низкого мнения, продолжил он, если бы он согласился отдать сорок или больше процентов польской территории и пять миллионов поляков. Он не может

этого сделать, а вопрос о границе придется решать не ему и его группе, а польскому народу. Сталин, перебив его, возразил, что на обсуждаемой территории живут не пять миллионов поляков, а в основном украинцы и белорусы. Миколайчик продолжал утверждать, что, даже если он и отдаст эту территорию, нет никакой гарантии в будущей независимости польского народа. Сталин спросил, не считает ли он, что Советский Союз угрожает Польше. Миколайчик ответил, что да, фактически угрожает, правда не на словах. Доказательством этому служит тот факт, что не позволяет полякам, живущим за границей, вернуться в свою страну. Он добавил, что приехал в Москву не для того, чтобы делить Польшу, на что Сталин отрезал, что он, вероятно, приехал, чтобы делить Украину и Белоруссию.

Тут вмешался Молотов, сказав, что хочет напомнить о решениях, принятых по польскому вопросу в Тегеране; он хотел бы повторить слова Рузвельта и попросить присутствующих поправить его, если он процитирует неточно. Он вспомнил слова президента, который сказал, «что считает линию Керзона правильной, но чувствует, что опубликовать это заявление пока несвоевременно». Поэтому можно сделать вывод, что британское, американское и советское правительства единодушны в вопросе о советско-польской границе.

Миколайчика удивило и возмутило это заявление, которого никто не опроверг и которое никого не удивило. Он спросил, может ли он узнать, какая западная граница определена для Польши в Тегеране, на что Молотов ответил: была предложена граница по Одру, против чего никто не возражал. Черчилль высказался за согласие британцев с этим вариантом (Одер), а Идеи заметил: идея заключалась в том, чтобы отодвинуть границу как можно дальше на запад, к Одру, как хотели поляки. Молотов подтвердил именно эту договоренность. Черчилль добавил, что вся Восточная Пруссия к западу и к югу от Кенигсберга отойдет к Польше, и Сталин согласился с ним.

Затем Черчилль спросил, не хочет ли Миколайчик обсудить формулу, согласно которой новое объединенное польское правительство примет линию Керзона как вариант рабочего соглашения с правом обсуждения на мирной конференции? Миколайчик резко ответил, что не уполномочен принимать подобные решения. Затем, когда Черчилль заметил, что согласие с линией Керзона кажется ему хорошим шансом достичь соглашения по созданию объединенного польского правительства, Миколайчик ответил, что он не согласен с этим, так как слышал, будто Комитет национального освобождения заявляет права на Львов. Черчилль возразил: огромный порт Данциг намного ценнее Львова! Тут вмешался Сталин, заявив, что советское правительство не торгует украинской землей. Он отрицал претензии комитета на Львов, сказав, что в любом случае он его не получит, но подтвердил согласие русских отдать Польше на западе не только Данциг, но и Штеттин. Черчилль обещал поддержку линии британцев. Но Миколайчика не тронули ни заявление, ни приманка. Сталин заметил на это: советское правительство приняло формулу Черчилля относительно линии Керзона не просто в качестве рабочего соглашения; Советский Союз не может каждый день менять свои границы. Тогда, судя по более позднему отчету Миколайчика, «Черчилль поднял руки, в отчаянии посмотрел в потолок и задышал с присвистом; мы один за другим тихо вышли».

14 октября Черчилль и Идеи еще раз попытались заставить Миколайчика согласиться на какую-нибудь формулу относительно границ, которую принял бы Сталин. Потерпев неудачу, Черчилль снова попытался уговорить Сталина немного уступить, но и это ему не удалось. Сталин решительнее, чем когда-либо, заявил: это должна быть линия Керзона с возможной поправкой на семь-восемь километров. Тогда Черчилль сказал, что хоть и не уверен в позиции Рузвельта, но полагает, что президент, может быть, будет убедительно просить Сталина быть великодушным к полякам и сохранить за ними Львов. Сталин эту просьбу оставил без комментариев.

До самого конца своего пребывания в Москве Черчилль не оставлял своих усилий смягчить позиции оппонентов. Но эти усилия по-прежнему сталкивались с теми же

трудностями. Черчиллю, стремящемуся к единству, пришлось выслушать инсинуации Молотова по поводу попытки расстроить соглашение, заключенное в Тегеране; пришлось выслушать, как Сталин назвал Миколайчика «шантажистом», и выслушать еще более бурные упреки Миколайчика.

Однажды, когда терпение Черчилля лопнуло, он обвинил польское правительство в Лондоне в намерении нарушить мир в Европе и предупредил Миколайчика: если правительство не примет линию Керзона, с ним будет покончено и британское правительство от него откажется. Свою реакцию Миколайчик отразил в диалоге, который в его изложении выглядит еще более эмоционально:

«— Мистер Черчилль, я уже просил вашего разрешения высадиться на парашюте в Польшу и присоединиться к подполью... Вы мне отказали. Теперь я снова прошу у вас разрешения.

— Зачем? — удивился премьер-министр.

— Потому что я предпочитаю умереть, сражаясь за независимость своей страны, а не быть позже повешенным русскими прямо на глазах у вашего британского посла!»

Вспышка была прощена. Черчилль оценил, что Миколайчик и Ромер, министр иностранных дел, приехавший в Москву вместе с ним, действительно хотят найти компромисс и искренни в своем желании дружбы с Советским Союзом, но их окружение не разделяет их мыслей и чувств.

Разногласия между двумя соперничающими польскими группами становились все острее. Комитет, готовый признать Миколайчика как премьер-министра нового правительства, предоставлял его сподвижникам самое большое четверть портфелей кабинета. Самая значительная уступка, на которую соглашалась пойти группа Миколайчика, — треть мест для лондонского правительства, треть для членов люблинского комитета и треть для людей, живущих в Польше.

Из-за этого, можно сказать, полного поражения Черчилль был на грани отчаяния. Его беспокоил вред, наносимый будущему состоянию Европы. Он также волновался из-за возможной негативной реакции общества в Америке, да и реакции самого президента; он боялся последствий провала этих переговоров; но не меньше он боялся того, что Миколайчик согласится на условия Сталина. Однако прежде, чем собравшиеся в Москве разъехались, снова появилась надежда, что еще можно найти приемлемое решение. Миколайчик изменил свое мнение. Он сказал Черчиллю, что по возвращении «будет убеждать своих лондонских коллег обратить внимание на важность для русских линии Керзона, включая Львов».

Об этой новости Черчилль информировал президента в своем докладе 22 октября. Это же подтверждается и в меморандуме Гарримана, докладывающего, что 18 октября Миколайчик сказал ему: если Сталин будет продолжать настаивать, чтобы линия Керзона была принята, они с Ромером вернутся в Лондон и попытаются убедить своих коллег согласиться на это. Затем, при условии разумных гарантий со стороны Сталина по поводу заключения справедливого и выполнимого соглашения о формировании объединенного польского правительства, он вернется в Москву.

В последний день пребывания Черчилля в Москве (18 октября) Сталин снова встретился с Миколайчиком. Это, как рассказывал Черчилль, была «...очень дружеская беседа. Сталин обещал помочь ему, а Миколайчик обещал сформировать и возглавить правительство, полностью дружественное к русским. Он объяснил свой план, но Сталин ясно дал понять, что люблинские поляки должны быть в большинстве». То же подтверждает меморандум Гарримана о его беседе с Миколайчиком 18 октября. Правда, у Миколайчика, судя по его более позднему отчету, сложилось другое впечатление. Официальный же польский меморандум подтверждает версии Черчилля и Гарримана.

Затем вечером, после обеда, замечание Сталина, брошенное Черчиллю, внушило

надежду на разумное решение проблемы люблинского комитета; вопрос, похоже, сводился к тому, должно ли лондонское правительство иметь только треть мест в реформированном правительстве, если премьер-министром будет Миколайчик, или больше. Черчилль доказывал, что, если ему не предоставят хотя бы половину мест, западный мир не поверит в создание независимого польского правительства. Разговор остался незавершенным.

И все же, как видно из оценки перспектив, сделанной Черчиллем для Рузвельта 22 октября, малая толика оптимизма еще осталась: «Я надеюсь, что уже в следующие две недели мы сможем заключить соглашение. В этом случае я подробно телеграфирую его вам, чтобы вы смогли сказать, хотите ли вы, чтобы оно было опубликовано, или пока нет».

Возобновление дискуссий ожидалось после того, как Миколайчик посоветуется со своим кабинетом в Лондоне. Президент и Государственный департамент ждали исхода совещаний и результатов выборов в Америке. До тех пор они не могли ничего сказать, но полагали, что, если в этот период времени решение не будет найдено, они, может быть, найдут его позже. Но они не собирались допускать, чтобы текущая глава печальной борьбы из-за Польши, длящаяся уже два столетия, разрушила планы постоянного мира и сотрудничества в деле скорейшего окончания войны на Тихом океане. Польша была хлебом мучеников.

Ради исторического интереса вернемся на короткое время к эффекту, произведенному заявлением Молотова на встрече с Миколайчиком 13 октября, якобы Рузвельт в Тегеране одобрил линию Керзона, но не счел уместным заявить об этом публично. Во время совещания, когда были озвучены эти слова, никто из присутствовавших ни подтвердил, ни отрицал – в присутствии Миколайчика – эту версию высказывания Рузвельта в Тегеране. Гарриман потом объяснил президенту, почему он этого не сделал: поскольку Молотов не обратился к нему за подтверждением, а он присутствовал лишь в качестве наблюдателя, он счел неправильным делать замечания к заявлению Молотова.

Вечером, за обедом, он спросил Черчилля об этом эпизоде, и премьер-министр ответил: насколько он помнит события в Тегеране, хотя президент очень хотел услышать точки зрения его и Сталина, сам он своего мнения так и не высказал. Но может быть, Молотов ссылается на сказанное во время беседы Рузвельта со Сталиным в Тегеране 1 декабря, на которой Черчилль не присутствовал. Сталин же ясно помнил этот разговор. Когда Черчилль несколько дней спустя (16 октября) заметил, что его воспоминания о переговорах в Тегеране не соответствуют утверждению Молотова, будто президент одобрил границу с Польшей по линии Керзона, Сталин грубовато ответил: «он сам слышал», как президент говорил это на «сепаратных переговорах».

Черчилль не стал спрашивать, что именно говорил Рузвельт в прошлом; он лишь заметил, что, не зная точки зрения президента, он не может говорить на эту тему, но знает, что президент поддерживает право поляков на Львов.

Тем временем 16 октября Миколайчик направил письмо Гарриману, в котором писал: он и его коллеги удивлены и расстроены выступлением Молотова. И они вполне могли бы испытывать эти чувства, если бы версия того, что сказал ему Рузвельт в Вашингтоне в июне 1944 года, изложенная Миколайчиком в этом письме, была правдой, а не эмоциональным вымыслом.

Согласно версии Миколайчика, президент сказал ему об отрицательном отношении американского правительства к решению территориальных вопросов до окончания войны; Сталин и Черчилль договорились относительно линии Керзона без его участия; он, президент, ясно дал понять свое неудовольствие по этому поводу и что придет время, и он поможет Польше сохранить Львов, Дрогобыч и Тернополь, а также получить Восточную Пруссию, в том числе Кенигсберг, и Силезию.

Гарриман ответил Миколайчику, что, по его разумению, президент в Тегеране не соглашался на границу по линии Керзона и ясно дал понять, что не намерен занимать никакой позиции по вопросу о границах, ни конфиденциально, ни публично.

Черчилль в Москве: вступление Советского Союза в войну на Тихом океане

В большинстве европейских вопросов, как военных, так и политических, Черчилль и его советники перехватили инициативу у русских, взяв на себя все трудности с решениями споров. Гарриман был наблюдателем и доверенным лицом и поддерживал связь с президентом, который хотел знать все, что говорится и делается, не из официальных отчетов. Но в вопросах, связанных с войной против Японии и будущим Тихого океана, Черчилль отступил, передав ведущую роль американцам – Гарриману и генералу Дину.

Соглашение между тремя союзниками по стратегическим планам и программам было абсолютно необходимо, если они хотели иметь преимущество скоординированного наступления на общего врага. События заставляли торопиться. Только в Китае японцы еще продвигались, впрочем, против плохо вооруженных, полуголодных, слабо управляемых беспорядочных отрядов. В Бирме, сражаясь с тем же упорством, они могли лишь удерживать свои позиции. Большая часть японского торгового флота покоилась на дне Тихого океана. Японским воздушным силам и флоту был нанесен сокрушительный удар; следующая крупная операция могла с ними покончить. Линии связи с базами и источники поставок продовольствия в южной части Тихого океана подвергались непрекращающимся разрушительным атакам.

Переговоры в Москве могли продолжаться при условии, если будут обговорены надвигающиеся крупные операции. В порядке подготовки к высадке десанта на Лейте начались воздушные налеты на аэродромы между Филиппинами и Японией; туда направлялась крупная экспедиция Макартура; как только это было выполнено, планы потребовали ускоренного наступления на Лусон и другие островные позиции. Необходимо было также провести операции на китайском побережье, блокады и воздушные бомбардировки, а возможно, и бросок на Формозу. Если все эти акции окажутся успешными, к концу 1944 года японские войска, рассеянные по всему Тихому океану – в Бирме, Таиланде, на Малайском полуострове и в голландской Вест-Индии, – окажутся изолированными и уязвимыми. Американцы получают воздушные базы в непосредственной близости к основным островам японцев, и те окажутся под ударами мощной и становящейся все сильнее бомбардировочной авиации. Затем, после разгрома Германии, крупные американские и британские части, сражающиеся в Европе, – наземные, воздушные и морские – можно будет бросить против Японии, чтобы завершить ее разгром.

И это было или, по крайней мере, должно было быть видно американским и британским стратегам в ходе дискуссий в Москве. Но это было видно не из спокойного, последовательного изучения обстановки, а по ежедневным страданиям и опасностям войны: по мучительным высадкам на берег и прорывам в горах сквозь огонь и пламя, по торпедам, врезающимся в борта блокирующих кораблей, по самолетам, разбивающимся о гималайские вершины или попадающим под огонь японских зенитных орудий. Исход был предопределен, но именно японцам предстояло решить, насколько жестоки будут предстоящие испытания и как долго они продлятся.

Как предвидели американские и английские начальники штабов, еще предстояло справиться с очень крупными японскими силами, расположенными на их основных островах, в Китае и Маньчжурии. Для предстоящих последних, страшных наземных битв потребуется участие огромной Красной армии. Поэтому американское правительство по-прежнему было заинтересовано в открытии второго и третьего фронта на Азиатском материке американскими и китайскими войсками, так же как русские ждали этого в

Европе. Британцы так же сильно, как и американцы, желали, чтобы русские вступили в войну на Тихом океане, и на том же простом основании.

Делясь своими намерениями с президентом, 4 октября Черчилль сказал: «Мы хотим выяснить, сколько времени понадобится после падения Германии великой русской армии для того, чтобы подготовиться к борьбе против Японии на границах Маньчжурии, и узнать от них проблемы этой кампании...»

Американцы ждали сигнала Сталина, чтобы начать переговоры с советскими начальниками штабов об участии России в войне на Тихом океане. Предполагалось, что они будут происходить, по крайней мере вначале, только между американцами и русскими. Но тут приехал Черчилль в сопровождении своих старших военных советников. Американская военная миссия в Москве и Гарриман, впервые узнав об этом, пришли в замешательство. Их беспокоило, как бы инициатива премьер-министра не задержала и не усложнила подробные обсуждения необходимых планов. Но причин для волнения не было. Черчилль с готовностью согласился, чтобы с одобрения президента Гарриман и Дин участвовали во всех его переговорах по Дальнему Востоку и чтобы первостепенной целью было получить ответы Сталина на вопросы и предложения, представленные Объединенным комитетом начальников штабов Соединенных Штатов.

Гарриман поспешил сообщить президенту о надеждах на предстоящую встречу, в ходе которой может быть получена информация огромной важности, которая поможет, а не повредит последующим переговорам Дина. Более того, он выразил уверенность в дипломатическом таланте Черчилля, который ясно даст понять Сталину: вся тяжесть войны на Тихом океане ляжет на американцев, за планирование операций отвечают американцы, так что последующие переговоры будут советско-американскими, а не трехсторонними. Британцев же будут лишь держать в курсе дела. Президент одобрил желание Гарримана подчеркнуть ведущую роль американцев в проведении кампании на Тихом океане. Но он предоставил Черчиллю свободу действий в получении информации о планах Советского Союза, позволив поделиться со Сталиным стратегическими планами действий на Тихом океане, подчеркнув роль британцев в этой кампании. Гарриману и Дину предстояло придумать, как связать эти штабные переговоры с задачей Черчилля. Это оказалось нетрудно.

14 октября в ходе обзора военной ситуации и проектов, европейская часть которых была уже решена, появился шанс осуществить это. Генерал Брук вместе с Черчиллем рассказали, что делается и планируется делать в отношении Бирмы, Китая и Юго-Восточной Азии и на что будут направлены усилия британцев на Дальнем Востоке.

Затем генерал Дин дал оценку боевых действий на Тихом океане и осветил дальнейшие цели, закончив вторжением в Японию. Эта часть его изложения заканчивалась заявлением: «Самым важным фактором в развитии всеобщей стратегической ситуации будет роль, которую предстоит сыграть Советскому Союзу. При планировании рассматривались все возможные линии приближения к Японии с востока, юга и запада. Однако... эти планы могут быть выбраны и эффективно применены, если будут тесно увязаны с операциями против Японии с востока».

Сталин спросил, как американские военные власти предполагают использовать советские вооруженные силы? Дин объяснил планы, переданные ему Объединенным комитетом начальников штабов. Подводя итоги, он передал пожелание Объединенного комитета, чтобы русские как можно скорее и всеми доступными силами вступили в войну на Тихом океане, а потому настало время срочно начать готовиться к совместным операциям. Он перечислил задачи, которые, он надеялся, советские войска выполнят:

1. Обеспечить безопасность Владивостока и Транссибирской железнодорожной магистрали.

2. Провести совместно с американскими воздушными силами атаку на Японию с территорий Приморья и Камчатки.

3. Перерезать движение по морю и по воздуху между Японией и Азиатским материком.

4. Во взаимодействии с американскими морскими силами обеспечить путь поставки продовольствия через Тихий океан к Приморью, что подразумевало оккупацию Советским Союзом Южного Сахалина.

5. Разгромить японские наземные и воздушные силы в Маньчжурии. Это последнее должно быть главной и конечной целью советских войск.

На следующий день (15 октября) советские власти дали ответ. Он был полным и открывал перспективу широкой интервенции. Осветив пять возможных путей на юг для наземных войск Красной армии, генерал Антонов представил оценку японских сил, с которыми предстоит встретиться. Предвидя большую переброску войск из Японии и Китая, он предположил, что японцы смогут (или смогли бы) собрать в Маньчжурии около сорока, а может быть, и пятидесяти хорошо обученных дивизий.

Можно заметить, что это была гораздо более высокая оценка, чем давали американцы и британцы. Когда русские вошли в Маньчжурию, они встретились с силами по крайней мере вдвое меньшими.

Фактически в октябре Квантунская армия была обескровлена в боях за Филиппины и Формозу и наступлением в Китае. Позже она была пополнена, но так и не стала такой сильной, как предсказывал Антонов.

Чтобы сразиться с подобным войском, продолжал Антонов, численность сил Красной армии на Дальнем Востоке пришлось бы удвоить – с тридцати дивизий до шестидесяти.

Однако Антонов подсчитал, что русские дивизии насчитывают 10 000 человек, тогда как японские дивизии в Маньчжурии, по его оценкам, насчитывают 18 000 человек.

Усиление Красной армии на Дальнем Востоке должно было быть осуществлено переброской войск с запада. Предстояло также значительно увеличить советские авиационные силы на Дальнем Востоке. Договорились, что многочисленные американские бомбардировщики будут действовать вместе с русскими с советских баз.

На выполнение этих и связанных с ними задач, оценил Антонов, потребуется примерно три месяца после разгрома Германии. По этому вопросу Сталин заметил, что он верит: «...все необходимые поставки могут быть осуществлены за три месяца для того, чтобы обеспечить советские войска во время операции в течение полутора-двух месяцев. Этого было бы достаточно, чтобы нанести Японии смертельный удар». Когда Гарриман подтвердил готовность американского правительства в ближайшее время начать дополнительные поставки для увеличенного состава советских войск на Дальнем Востоке, не прерывая поставок для войны в Европе, Сталин повторил, что Советский Союз будет готов начать действия против Японии примерно через три месяца после падения Германии. «Через три месяца – да. Когда накопим запасы, через несколько месяцев».

Гарриман, согласно указанию, повторил предложение американцев передать советским воздушным силам четырехмоторные бомбардировщики и обучить их экипажи. Сталин заметил, что переброска этих самолетов вызовет большие проблемы, поэтому он не может настаивать на этом, однако, если передача состоится и при этом возникнут определенные трудности, он хотел бы столкнуться с ними сейчас, а не позже и как можно скорее приступить к обучению экипажей в России. Он снова подтвердил, что американские бомбардировщики будут базироваться на Камчатке и в Приморье.

Было оговорено, что американцам и русским следует все обсудить подробнее. Для этого они снова встретились 17 октября и более четко очертили круг задач, стоящих перед Советским Союзом. Сталин подготовил список поставок, которые советское правительство потребовало от Соединенных Штатов в связи с вступлением в войну с Японией. Русским предстояло образовать резервный фонд, который обеспечил бы проведение кампании даже при закрытии Владивостокского порта. К объему поставок, предусмотренных ранее, Сталин потребовал еще миллион тонн грузов.

Он обрисовал планы предполагаемых крупных наземных операций, поинтересовавшись у Гарримана, планирует ли Объединенный комитет начальников штабов совместные наземные операции. Гарриман ответил, что не думает, чтобы в Маньчжурской операции предусматривалось участие только советских войск. Тогда Сталин сказал:

«Если мы всерьез думаем о том, чтобы разгромить японцев, нельзя ограничиваться только Маньчжурским регионом. Чтобы достичь реальных результатов, мы должны развивать обходы с флангов – нанести удары по Калгану и Пекину. Только наступление в Маньчжурии не принесет ощутимых результатов. Я не считаю, что основные действия будут только в Маньчжурии. Они будут и на юге, куда, по-видимому, начнут отступать из Китая японские войска. Наша задача заключается в том, чтобы не дать японцам отступить из Китая в Маньчжурию. Мы не должны позволить японским войскам из Китая соединиться с японцами в Маньчжурии. Это мои соображения. Со всеми остальными действиями, намеченными генералом Дином, я согласен».

Позже Сталин согласился с решением американцев воздержаться от операции в Китае, за исключением высадки на побережье для захвата аэродромов. «Американцы изолируют японские гарнизоны на южных островах, а русские изолируют наземные силы в Китае», – сказал он. Он согласился, что это правильный план, но привести его в исполнение будет сложно. Попутно он отметил американский план вторжения в Японию как «грандиозное предприятие».

Что касается морских и десантных операций в Приморье, он принял предложения Объединенного комитета начальников штабов и подробно изложил, чего бы хотел от американцев. «Все морские позиции, – заметил он, – надо укрепить, а затем все северные корейские порты должны быть заняты советскими наземными и воздушными силами». Он также высказал пожелание, чтобы в Японском море стояли американские корабли.

Генерал Дин заметил: «По тому, как маршал Сталин вкратце обрисовал свои операции, оба плана были согласованы».

Забегая вперед, скажем, что Объединенный комитет начальников штабов с энтузиазмом отнесся к программе Советского Союза. Широкое распространение Красной армии к югу не вызвало тревоги. Русские отказались использовать крупные американские наземные силы в Китае и Маньчжурии и питали мало надежд на китайские войска. Американские планы, особенно воздушные и морские, были пересмотрены в соответствии с совместными намерениями. Было приказано позаботиться, чтобы Советский Союз получил все, что нужно, для участия в войне на Тихом океане. Все, о чем он просил, было предусмотрено графиком поставок и постепенно посылалось, за исключением выполнения нескольких специальных пунктов, таких, как, например, госпитальные корабли, буксирные суда и некоторые типы самолетов. Дополнительные поставки, необходимые для всех театров военных действий, транспортировались через Сибирь. При этом советское правительство, с целью экономии, отказалось от некоторых поставок.

Удовлетворение американского правительства таким прогрессом и подготовкой вступления Советского Союза в войну на Тихом океане не было омрачено прозрачным намеком Сталина, что советское правительство ожидает за это вознаграждение.

Когда 15 октября Сталин выразил уверенность в том, что Советский Союз вступит в войну через три месяца после падения Германии, он продолжил, что, однако, есть «...еще некоторые политические аспекты, которые придется принять во внимание. Русские должны знать, за что они сражаются. У них к Японии свои счета».

Так Сталин впервые ясно дал понять, что, прежде чем вступить в войну, он должен точно знать, что получит Советский Союз после разгрома Японии. Напомним, большая часть его пожеланий была в общих чертах изложена Рузвельту в Тегеране. Но теперь

Сталин позволил себе предположить, что Советский Союз вступит в войну против Японии точно так же, как Соединенные Штаты вступили в войну против Германии, оставив улаживание национальных претензий на послевоенное время. Ни Идеи, заменяющий заболевшего Черчилля. ни Гарриман, у которого на этот счет не было никаких указаний, не сделали немедленных комментариев к заявлению Сталина.

Идеи обратил на это внимание Черчилля. Но премьер-министр оставил намек Сталина без внимания, сочтя, вероятно, этот вопрос входящим в сферу крупных американских интересов. Гарриман доложил новость президенту, а Дин, предположительно, Объединенному комитету начальников штабов. Однако никто из них не отреагировал на эти сообщения и не возразил против попыток Советского Союза заручиться гарантией признания его требований в Европе. Из доступных нам источников нельзя понять, почему это произошло. Возможно, узнав планы будущих наземных операций советских войск, все пришли к мнению, что следует заключить с Советским Союзом соглашение о его претензиях до начала наступления советских войск. Они окружают Маньчжурию и вторгнутся в нее. Они продолжают наступление на Калган и Пекин в Северном Китае, а возможно, двинутся и дальше, туда, где будут сосредоточены японские войска. Они могут захватить города и порты Северной Кореи, наступая по суше и по морю. В результате этих наступлений они могут оказаться недалеко от районов, контролируемых китайскими коммунистами. В наши планы не входило предупреждать или ограничивать распространение советских войск на север. В таком случае, разве можно было поручиться, что Советский Союз не воспользуется присутствием собственной армии, чтобы навязать Китаю свои условия?

В то время предвидение, какой может стать расстановка военных сил после окончания войны с Японией, заставило президента поступить так, как он поступил, то есть договориться со Сталиным о вознаграждении. Это могло рассматриваться или как дань, которую советское правительство может получить и получит любым путем. или как справедливое наказание Японии (за агрессию) и Китая (за слабость) и справедливая награда для Советского Союза.

Черчиллю представился лучший, чем когда-либо прежде, шанс постоянно и свободно беседовать со Сталиным, и он сполна воспользовался им. Они обсуждали вопросы, представляющие взаимный интерес, в присутствии членов штаба и коллег. Но часто они обедали наедине, встречались в тесной компании в любое время дня и вечера, а однажды, 17 октября, просидели вдвоем за бутылкой вина до четырех часов утра.

Обстановка встреч была согрета хорошим настроением – открытым выражением добрых чувств Черчиллем и восхищенными или дразнящими взглядами Сталина. А когда за ужином, поданном в антракте балета в Большом театре, кто-то, произнеся тост за «Большую тройку», шутливо назвал их Святой Троицей, Сталин пошутил: «Черчилль, должно быть, Святой Дух, потому что он много летает». В их деловой разговор то и дело просачивались замечания и воспоминания, возможные только в разговоре собеседников, небезразличных друг другу как люди, а не только как официальные лица. Так, например, в доверительной беседе в ранние утренние часы Сталин долго рассказывал о своей сибирской ссылке.

Черчилль позднее вспоминал об этом так: «Несомненно, в нашем узком кругу мы говорили с такой легкостью, свободой и сердечностью, которые так и не были достигнуты в отношениях между нашими двумя странами. Сталин несколько раз выражал мне свое уважение, которое, я уверен, было искренним. Но я еще больше убедился, что он отнюдь не одинок. Как я сказал своим коллегам дома, „за спиной у него стоит большая сила“».

Вероятно, так оно и было. Поэтому Сталин на этот раз имел причину быть веселым, даже торжествующим. Советские войска получили подавляющее преимущество на всем Восточном фронте в Европе, какое бы направление они ни избрали.

Все три союзника сочли, что визит Черчилля в Москву оказался очень полезным и

что напряженность многих политических ситуаций в Европе – фактических и предполагаемых – пошла на убыль. Уменьшилась и опасность разногласий.

Но еще более ценной, чем эти скороспелые компромиссы, была признана согласованная стратегия продолжения войны, как в Европе, так и на Тихом океане. Британцы и американцы были уверены, что немцам не удастся усилить свое сопротивление на западе, перебросив войска с востока. Русские также были уверены в прочности позиций своих войск на Восточном фронте. Американцы и британцы могли рассчитывать на ослабление японских войск в Азии под напором советских войск, а в случае необходимости и на их помощь во время вторжения в Японию. Русские были совершенно уверены, что до того, как им придется это сделать, японцы потеряют силу, необходимую для того, чтобы выдержать длительную борьбу. Они ясно изложили свои планы операций в Маньчжурии и не встретили никаких возражений; и они потребовали огромных поставок оружия и продовольствия для использования на Дальнем Востоке и твердых гарантий выполнения этих поставок.

Но Черчилль и Сталин как в своих публичных заявлениях, так и в частных письмах в необыкновенно теплых словах выражали чувство удовлетворения.

Поэтому Черчилль, покинув Москву 20 октября, написал Сталину: «Идеи и я уехали из Советского Союза ободренными и укрепленными дискуссиями с вами, маршал Сталин, и с Вашими коллегами. Незабываемая встреча в Москве показала, что нет вопроса, по которому мы не могли бы договориться, собравшись вместе для откровенной и дружеской беседы».

Неделю спустя в палате общин он сказал: «Я очень рад сообщить палате, что наши отношения с Советской Россией никогда не были более близкими, дружескими и сердечными, чем сейчас. Никогда раньше нам не удавалось достичь такой дружеской откровенности в обсуждении самых деликатных и зачастую потенциально неприятных вопросов...»

Как отличается это суждение от его мыслей весной по поводу второго фронта и от того, что ему вскоре предстоит! Прилежный протоколист вряд ли может избежать любопытного вывода, что точка зрения Черчилля на Россию была более изменчивой, чем Рузвельта, и зависела от свойства его натуры идти в ногу со временем и обстановкой.

Сталин говорил, обращаясь к Рузвельту: «Со своей стороны могу сказать, что наши беседы были в высшей степени полезны для взаимного выяснения точек зрения... Во время этих бесед мы поняли, что можем без больших трудностей согласовать нашу политику по всем стоящим перед нами вопросам, и если мы пока не в состоянии немедленно найти необходимое решение той или этой задачи, как, например, по польскому вопросу, то тем не менее и здесь открываются более благоприятные перспективы...»

Обращаясь к своему народу 6 ноября, он сказал в основном то же самое: «Недавние переговоры в Москве с мистером Черчиллем, главой британского правительства, и мистером Иденом, британским министром иностранных дел, следует рассматривать как яркий признак консолидации фронта Объединенных Наций, тем более что переговоры прошли в дружеской атмосфере и в духе полного взаимопонимания».

Рузвельт благожелательно отнесся к ходу и результатам переговоров, даже если и не был всем доволен. Его тревога, что Черчилль и Сталин могут, обойдя его, принять решения, которые ему не понравятся, оказалась беспочвенной. К желанию президента не втягиваться в урегулирование вопросов, способных повредить его перспективам на выборах, до которых теперь оставалось всего несколько недель, отнеслись с должным вниманием. Но важнее в его глазах был прогресс в совместном наступлении с востока и с запада против Германии и уверенность, что Советский Союз бросит свои огромные силы в борьбу против Японии спустя три месяца после разгрома Германии.

Какими бы ни были их сокровенные мысли и страхи, похоже, никто из троих не предвидел, сколь коротким окажется их удовлетворение. Некоторые из расплывчатых

политических соглашений. предложенных в Москве, оказались столь разочаровывающими, что 8 января Черчилль в послании Рузвельту об их совместных планах встречи со Сталиным, которая в конце концов должна была состояться, писал: «Каковы Ваши соображения относительно длительности нашего пребывания в Ялте? Это может быть поистине судьбоносная конференция, происходящая в тот момент, когда великие союзники очень разобщены и перед нами простирается тень будущей войны. В настоящее время я думаю, что конец этой войны может оказаться более разочаровывающим, чем последней».

Но прежде, чем рассказать о событиях, внушивших это дурное предчувствие, следует упомянуть о появлении Франции как еще одной страны, с которой надо считаться в попытках разделить мир после войны.

Дальнейшее признание Франции

По возвращении из Москвы Черчилль узнал о решении американского правительства признать французский Комитет национального освобождения временным правительством Франции. Он долго пытался убедить президента совершить этот шаг, перечислив, почему считает, что комитет во многих отношениях показал себя квалифицированным и приемлемым правительством. Оно успешно сотрудничало с Верховным союзным военным штабом. Под его руководством в провинциях и городах освобожденных регионов Франции была восстановлена свободная и организованная жизнь гражданского населения. Де Голль принял в свою исполнительную организацию новых членов из групп сопротивления и политических партий внутри Франции, в том числе и коммунистов. Одновременно были оглашены твердые планы расширить Консультативную ассамблею, перед которой отчитывался комитет, включив в нее членов из самой Франции; созвать ее в Париже в ноябре; усилить ее власть над исполнительной и подготовить путь к свободным национальным выборам в ближайшее время. Французский народ горячо одобрил лидерство Национального комитета.

Перечислив эти веские причины, 14 октября из Москвы Черчилль намекнул Рузвельту, «...что мы теперь можем спокойно признать администрацию генерала де Голля временным правительством Франции».

Рузвельт по-прежнему колебался, сказав Черчиллю о своем желании подождать, пока французы создадут реальную внутреннюю зону, а Консультативная ассамблея станет более представительной. «Мне следует, – сказал он, – признать эффективное исполнение всех этих актов».

В напечатанном виде это высказывание датируется 20 октября, но, может быть, было произнесено днем-двумя раньше.

Через несколько часов после того, как Черчилль получил этот ответ Рузвельта, в Объединенный комитет начальников штабов поступило послание Эйзенхауэра, в котором тот сообщал, что достиг соглашения с французским комитетом о формировании внутренней зоны под контролем французов, о чем будет сообщено 23-го. Рузвельт тотчас же отправил секретное и личное сообщение Сталину, в котором говорил, что ожидал, что французы, в соответствии с соглашением, в самом ближайшем будущем создадут внутреннюю зону; когда это произойдет, он считает, что настанет время для признания французских властей в качестве временного правительства Франции. «Я сообщаю Вам, – заканчивалось послание, – о наших намерениях по этому вопросу заранее на тот случай, если Вы пожелаете предпринять какое-либо аналогичное действие, когда будет создана внутренняя зона, которая будет находиться под управлением французской администрации».

Это сообщение было передано Джорджем Кеннаном, руководившим работой посольства во время пребывания Гарримана в Вашингтоне, в письме Молотову, датированном 21 октября. Черчилль в это время находился на пути из Москвы в Лондон

через Каир.

Не ожидая ответа Сталина, Государственный департамент, в отсутствие в Вашингтоне президента, начал действовать. Он отправил срочное сообщение Молотову и британскому министерству иностранных дел, информируя их о решении президента признать временное правительство Франции одновременно с сообщением французов о создании внутренней зоны, ожидаемом 23 октября. Британское министерство иностранных дел тотчас же известило де Голля, что сделает то же самое. Особыми усилиями дипломатических сотрудников сообщения трех правительств были отправлены одновременно. Причины поведения американцев были скорее случайными, нежели намеренными, но неудивительно, что Черчилль был потрясен, и на короткий момент у него создалось впечатление, будто американцы или небрежны, или резки по отношению к нему и русским. В мемуарах он приводит текст сообщения, которое отправил Рузвельту, узнав о решении американцев. Начиналось оно так: «Я, естественно, был удивлен резким тоном Государственного департамента, а по прибытии сюда [в Лондон] обнаруживаю, что сообщение будет отправлено завтра [23-го]. Мы, разумеется, одновременно предпримем подобные шаги. Полагаю, русские будут оскорблены...»

Очевидно, он не знал о предварительном сообщении, которое Рузвельт послал Сталину.

Все три союзника тотчас же аккредитовали своих послов в Париже. Официальное признание Франции полноправным членом военной коалиции явилось большим шагом вперед, и это вселяло оптимизм. Но вскоре станет ясно, что французы имеют собственные представления по самым сложным европейским вопросам, особенно по Германии, и разработать общую политику будет сложнее. Франция была спасена для Запада. Но ее бесстрастные претензии и суждения будут иногда расстраивать попытки Соединенных Штатов и Великобритании предъявлять собственные претензии, когда будут осложняться отношения с Советским Союзом.

Де Голль, не теряя времени, потребовал своего участия и минимального риска во всех решениях, касающихся военного урегулирования и послевоенных соглашений. Новое временное правительство убедило изменить соглашение, заключенное в Думбартон-Окс, о месте в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, но, похоже, не спешило закреплять свое право на эту роль. Напротив, оно настаивало на своей прежней просьбе предоставить ему членство на равных правах в Европейской консультативной комиссии, работающей над условиями, касающимися Германии. Советское правительство первым предложило удовлетворить эту просьбу. Остальные согласились, хотя и не без опасений, поскольку предполагалось, что новый член почти наверняка пожелает пересмотреть всю предыдущую работу комиссии. Договорились, что каждый пришлет приглашение на день перемирия, 11 ноября. Это было сделано, и вскоре французский член начал принимать участие в обсуждениях, проводимых комиссией.

Но затем, как еще будет сказано, французское временное правительство пожелало получить отдельную зону оккупации в Германии. Чтобы прежде всего завладеть большей частью линии Западного фронта, а затем иметь возможность получить достаточную зону оккупации в Германии, де Голль вновь потребовал оснащения еще восьми дивизий, набранных во Франции. Черчилль сказал ему (во время приятного визита в Париж на церемонию по поводу дня перемирия), что британское правительство будет содействовать оккупации Францией той территории Германии, которую она сама сможет занять. Информировав об этом Рузвельта в послании от 15 ноября, он объяснил: «Надо всегда понимать, что в течение пяти лет основная задача французской армии – держать в подчинении Германию».

Объединенный комитет начальников штабов был готов при первой же представившейся возможности выделить средства для перевооружения французов. Но президент сомневался, имеет ли он на это право. Из его ответа Черчиллю (от 18 ноября)

видно, что теперь он не видит необходимости держать американские войска в Европе из дипломатических соображений: «Я, разумеется, симпатизирую точке зрения французов и надеюсь, что нам удастся помочь им взять на себя ответственность после войны. Вам, конечно, понятно, что после падения Германии я должен как можно скорее, по мере транспортных возможностей, вернуть американские войска домой».

Это встревожило Черчилля. Если, сказал он в ответе на это послание, после падения Германии американские войска быстро вернутся домой и «...если французы не будут иметь ни оснащенной послевоенной армии, ни времени, чтобы сформировать ее и приобрести боевой опыт, как они смогут держать в подчинении Восточную Германию за русской линией оккупации? Мы, конечно, не сможем выполнить эту задачу без Вашей помощи и без помощи французов. Поэтому все быстро распадется, как в прошлый раз».

Ответ президента от 26-го числа не слишком обнадеживал: в нем говорилось, что оснащение для французских оккупационных войск можно получить от разоружения разгромленной немецкой армии: и, в любом случае, он не имеет права оснащать «какую-либо послевоенную иностранную армию» без согласия конгресса, а перспективы получения разрешения от него не так уж велики.

Де Голль, похоже, получил реальную основу для дружбы с Черчиллем и британским правительством. В повседневной жизни, как гражданской, так и военной, его администрация хорошо ладила с генералом Эйзенхауэром и высшим командованием союзных войск. Его первые контакты с новым американским послом Каффери были весьма дружелюбными. Похоже, американское правительство уже не так осторожно относились к участию французов в руководящих органах сил союзников.

Но де Голль стремился постепенно приобрести влияние, прочное положение и силу, и его не удовлетворяла зависимость от доброй воли американцев. Он делал все возможное, чтобы наладить прочные, доверительные отношения с советским правительством. Можно назвать по крайней мере две причины, которые, как он надеялся, оправдают более близкие отношения с Москвой. Французские коммунисты были сильной политической партией, и он, чтобы укрепить свои позиции и ситуацию во Франции, изо всех сил старался поладить с ними, особенно с Торезом, которого считал «лучшим из них». Это могло придать ему вес в общении с британским и американским правительствами.

Вскоре после теплой встречи с Черчиллем в Париже де Голль, не поставив в известность ни американское, ни британское правительства, сообщил Сталину о своем желании приехать в Москву для установления контакта с руководителями советского правительства. Встреча была назначена на конец ноября. Сталин немедленно проинформировал об этом Черчилля, заметив, что цель визита ему неизвестна. 25 ноября Черчилль положительно отозвался о предстоящем визите де Голля, выразив надежду на дружеское обсуждение ими всех вопросов. Сославшись на прессу, распространившую разговоры о западном блоке, он выразил надежду, что договор о союзе и тесное сотрудничество с Соединенными Штатами будут оплотом глобальной организации, призванной обеспечивать и поддерживать мир на измученной планете. Лишь только после создания любой такой международной организации и в порядке подчинения ей могли бы быть созданы в целях более тесной дружбы европейские объединения.

Де Голлю, прибывшему в Москву 2 декабря, были оказаны все почести, полагающиеся главе государства. В тот день, вероятно перед первой встречей с де Голлем, Сталин отправил одинаковые послания Черчиллю и Рузвельту с предположением, что де Голль пожелает обсудить два основных вопроса:

1. Заключение франко-советского пакта о взаимопомощи, подобного англо-советскому пакту. По этому поводу Сталин заметил: «Вряд ли мы сможем возражать, но я бы хотел знать вашу точку зрения по данному вопросу».

2. Возможное расширение восточной границы Франции до левого берега Рейна. По этому пункту Сталин тоже сделал комментарии, подчеркнув, что подобное действие

может идти вразрез с планом формирования Рейнско-Вестфальской зоны международного контроля, который сейчас обсуждается. По этому пункту он тоже попросил американских и британских друзей высказать свое мнение.

Вскоре после первой беседы с де Голлем Сталин известил Черчилля и Рузвельта, что де Голль поднял эти вопросы, и изложил свои ответы. Он подчеркнул необходимость тщательно изучить положения франко-советского пакта и обратить внимание на вопрос ратификации этого пакта во Франции. Что же касается расширения границ Франции до Рейна, Сталин заявил, что ввиду сложности этого вопроса не может решать его без ведома и согласия всех основных союзников. Отчет об этой беседе, который передал Бидо, французский министр иностранных дел, сопровождавший де Голля, Гарриману и британскому поверенному в делах в Москве, отличается от доклада Сталина и дополняет его. Бидо сказал, что во время этой первой встречи Сталин предложил военный альянс с Францией, объяснив, что имеет в виду взаимную защиту от возможной немецкой военной агрессии в будущем. Де Голль согласился с ним. Далее Бидо писал, что позже французская делегация представила на обсуждение предварительный вариант договора, подобный англо-советскому договору, но не идентичный ему. Бидо объяснил, что этот договор будет вписываться в общую схему международной организации безопасности.

Чья бы версия этой беседы, Сталина или Бидо, ни была верна, необходимо отметить поразительную разницу в тоне и политике Сталина по отношению к де Голлю сравнительно с теми, что были в Тегеране год назад. Прежняя насмешка над лидерством де Голля, якобы не представлявшего реальную Францию, теперь сменилась полной благожелательностью. Мнение, что Франция должна долго и тяжело расплачиваться за сдачу немцам, смягчилось. Идея отнять у Франции многие колонии потонула в молчании.

Черчилль 5 декабря первым отреагировал на послание Сталина. Он информировал советского маршала, что британское правительство не возражает против франко-советского пакта, подобного англо-советскому, напротив, считает его желательным и рассматривает в качестве дополнительного звена между тремя союзниками. Он также сказал, что британское правительство считает правильным, чтобы союзники заключили между собой трехсторонний договор, который включил бы в себя существующий англо-советский договор с какими-нибудь улучшениями. Таким путем обязательства каждого из союзников стали бы тождественными и скоординированными. Решение вопроса о перенесении восточной границы Франции на левый берег Рейна или о создании Рейнско-Вестфальской зоны международного контроля с другими альтернативами следовало бы отложить до мирной конференции, тем самым дав шанс для обсуждения между ними самими, Рузвельтом и Сталиным. Он также добавил, что по мнению британского правительства, было бы целесообразно поручить Европейской консультативной комиссии, членом которой является Франция, рассмотреть вопрос об участии Франции во встрече союзников, не связывая каким-либо образом глав правительств.

Рузвельт, прежде чем ответить на послание Сталина, проконсультировался с Черчиллем, поэтому его ответ совпал с ответом премьер-министра. Пересказав Черчиллю ответ, который он дал Сталину, президент, отметив свое несогласие с преимуществами трехстороннего договора, выразил опасение относительно влияния, которое тот может оказать на образование международной организации безопасности. Однако он понимает, что это предмет первоочередной заботы для стран, которых это касается.

В тот же день, 6 декабря, Гарриман имел долгий и откровенный разговор с де Голлем. Ни Сталин в своих посланиях Рузвельту и Черчиллю, ни Бидо в беседе с Гарриманом не определили, какую цель преследует советское правительство. За идеей действенного военного пакта скрывалось соглашение, обеспечивающее обоим участникам быстрый доступ в Германию: Франции с помощью контроля над рейнскими землями, Советскому Союзу с помощью контроля над Польшей. Де Голль признался, что надеялся, уступив желанию Советского Союза передать Польшу всю территорию к востоку от Одера, получить согласие Сталина сделать Рейн восточной границей Германии и на

осуществление плана подчинить Рур международному контролю. Он подтвердил, что у Сталина есть резервный вариант решения по этим притязаниям Франции.

Затем он рассказал Гарриману о просьбе Сталина направить представителя в польское правительство в Люблине, что явилось новым условием возможной сделки. Де Голль был не уверен в правильности ответа, который он дал на это предложение. Гарриман внушал ему, как сильно встревожатся американское и британское правительства, если он признает люблинскую группу.

Когда тем же вечером Гарриман снова увиделся с ним на приеме, де Голль сообщил ему о дополнительном разговоре со Сталиным, в котором он дал понять, что хочет подождать, пока не уладятся разногласия между различными польскими фракциями. Но в любом случае он не сделает этого шага, не посоветовавшись сначала с американским и британским правительствами.

Де Голль сказал о своих опасениях относительно намерения советского правительства не только распространить свое влияние в Восточной Европе, но и включить некоторые соседние государства в состав Советского Союза. Он предупредил, что это встретит сопротивление и что, хотя советское правительство будет успешно навязывать свою волю некоторым или всем этим странам, в них еще надолго сохранится политическая неуверенность и нестабильность. Потом, снова вернувшись к Франции, он посетовал, что коммунистическая партия в его стране получает приказы из Москвы, и он полагает, если она и откажется от своих революционных целей, то под прикрытием отстаивания радикальных социальных программ продолжит сеять смуту. Однако он был удовлетворен тем, что советское правительство использует французскую партию как средство продвижения собственной политики, а не для превращения Франции в коммунистическую страну.

Пребывая во власти дурного предчувствия в отношении намерений Советского Союза, де Голль по-прежнему хотел заключить альянс с ним. Сталин, вероятно под влиянием ответа, который дал ему Черчилль, предложил альтернативу трехстороннего пакта, включая Великобританию. Это, возразил де Голль, было бы преждевременно, потому что британскому и французскому правительствам надо еще обсудить слишком много вопросов. Сталин не настаивал. Но он и Молотов изо всех сил старались заставить де Голля уступить в отношении Польши, игнорировать польское правительство в Лондоне и согласиться, в связи с франко-советским пактом, назначить в люблинский комитет официального представителя.

На обеде, данном Сталиным в Кремле 9 декабря в честь французов, Гарриман заметил хорошее настроение Сталина и натянутость и мрачность де Голля. Сталин решил развеселить его с помощью вина и грубоватого юмора, когда позвал Булганина и сказал: «Принесите автоматы. Будем уничтожать дипломатов». Молотов снова настаивал на признании люблинского комитета. Де Голль и Бидо снова отказывались. Де Голль покинул Кремль вскоре после окончания обеда, собираясь следующим утром вылететь из Москвы с пустыми руками: не заключив договора, которого он так желал. Бидо остался для беседы с Молотовым, в то время как Сталин потчевал других гостей. Поздно ночью он послал за де Голлем и попросил его вернуться в Кремль. Когда тот появился, Сталин еще раз стал просить его поддержать люблинский комитет, подчеркнув необходимость предотвратить в будущем возможную угрозу со стороны Германии для дружественной Польши. Но де Голль твердо стоял на своем. Равносильно Сталин продолжал сохранять свою позицию в отношении восточной границы Франции. Оба предложения в конце концов провалились. В половине седьмого утра 10 декабря было подписано франко-советское соглашение.

Это скорее был просто пакт о взаимопомощи. Главная его ценность для каждой стороны заключалась в защите от возможности совершения во время или после войны сомнительной сделки с Германией, затрагивающей интересы другой стороны. Соглашение приветствовалось народами обеих стран и тем самым снискало популярность его авторам.

Но общая работа не сблизила Сталина и де Голля и их коллег и не породила истинного доверия. Ни одному из них не удалось возобладать над другим, как они надеялись. Де Голль остался недоволен, поскольку не заручился поддержкой Советского Союза своих притязаний в Германии, и от советской политики у него сложилось неблагоприятное впечатление. Сталину де Голль показался тяжелым и упрямым человеком; и, если вспомнить презрительное отношение Сталина к французам, он, вероятно, счел их претензии слишком самонадеянными. Но официальное сообщение о пакте и его толкование в прессе обеих стран было отмечено дружественным удовлетворением.

Может быть, де Голль надеялся, что новый договор с Советским Союзом обеспечит ему доступ на следующую предстоящую встречу глав государств. Черчилль отнесся к этой идее благосклонно; Сталин был равнодушен, а Рузвельт протестовал.

Де Голль идентичными посланиями американскому, британскому и советскому правительствам предупредил их, что, если великие союзные державы без участия Франции примут решения, прямо или косвенно касающиеся ее, «...временное правительство Французской Республики, очевидно, может считать себя не связанным каким-либо из таких решений и, следовательно, подобные решения утрачивают силу».

Предупреждение на президента не подействовало, а Черчилль и Сталин его не уговаривали. Все трое сочли, что достаточно сложно договориться о времени, месте и программе их переговоров, а если это так трудно, зачем усугублять обстановку?

Чтобы смягчить эффект от своего категорического отказа видеть де Голля в Ялте, Рузвельт попросил Гопкинса остановиться в Париже и нанести ему визит. Американское правительство все больше склонялось к тому, чтобы удовлетворить желания французов. Постепенно политика по отношению к Франции изменялась в соответствии с рекомендациями, данными Государственным департаментом и Объединенным комитетом начальников штабов президенту незадолго до того, как он покинул эту конференцию, а именно: «...относиться к Франции, учитывая ее потенциальную силу и влияние, а не ее настоящее состояние».

Отношение Америки к Франции можно охарактеризовать следующим образом:

1. Президент в принципе одобрил требования французов по капитуляции, оккупации и контролю над Германией, предъявленные Европейской консультативной комиссии, о чем информировал советское и британское правительства.

2. Президент и Государственный департамент не реагировали на желание французов ассимилироваться на Рейнской земле если не сразу, то постепенно.

3. Объединенный комитет одобрил рекомендацию Эйзенхауэра как можно скорее вооружить восемь французских боевых дивизий.

4. Однако президент по-прежнему откладывал решение по требованию де Голля, поддержанному британцами, чтобы мы произвели поставки оружия для послевоенной армии, которое, предположительно, будет использоваться не только для оккупации Германии, но и для защиты Франции.

Пока происходили эти события, способствовавшие появлению Франции в качестве важного элемента в жизни коалиции, ситуации на Восточном фронте опасно угрожало наступление немцев в Арденнах. Об этом и о событиях на других основных театрах военных действий необходимо рассказать прежде, чем начать описание Ялтинской конференции.

Перед Ялтой: координация стратегии Восточного и Западного фронтов

Немцы помешали союзным войскам достичь своей стратегической цели – дойти до Рейна на северном, самом важном участке фронта. В Италии они также свели на нет усилия союзников в болотистой долине реки По. На обоих участках им помогали плохая погода, наводнения и холод, с каждым днем становившийся все сильнее. Немцы бросили

на запад крупные резервные силы, которые им удалось сформировать в Германии, а также перебросили дивизии с востока. Уилмот, изучив военные архивы союзников и немцев, пришел к выводу, что в конце 1944 года западные союзники вступили в бой со 100 немецкими дивизиями – 76 на западном фронте и 24 в Италии. Это почти совпадает с оценкой, данной генералом Маршаллом на первом пленарном заседании в Ялте (4 февраля 1945 года): 79 немецких дивизий против 78 союзных и 27 немецких и итальянских фашистских дивизий в Италии против примерно равного числа союзных дивизий.

Уилмот также подсчитал, что в конце 1944 года Гитлер имел на всем протяжении Восточного фронта всего 133 дивизии, по сравнению с 157 дивизиями в период начала вторжения в Нормандию. Из них 58 были отрезаны или задействованы на севере или в Венгрии. Поэтому он подсчитал, что немцы на основном Центральном фронте имели всего 75 дивизий. Цифры, представленные генералом Антоновым, заместителем начальника штаба, и Сталиным на этом же заседании в Ялте, почти совпадают с этими подсчетами. Антонов доложил, что на пути к Кракову, участке крупного наступления советских войск, у немцев «около 80 дивизий», из них только четыре бронетанковых. «Мы создавали группировки так, чтобы они имели преимущество над врагом в пехоте более чем вдвое и решительное превосходство в артиллерии, танках и авиации». Сталин добавил, что на Центральном фронте у Красной армии сосредоточено 180 дивизий, 100 из которых непосредственно участвуют в наступлении. Немецкие дивизии обычно были крупнее русских, но многие из тех, что находились на востоке, были достаточно ослаблены. 14 декабря Сталин заметил Гарриману, что «у русских большое превосходство не в людях, а скорее в артиллерии и в воздухе, но использовались они там, должно быть, больше для видимости».

Эйзенхауэр потерял надежду на решительный успех до наступления зимы. Союзные командующие также были разочарованы; их тревожили признаки усиления немецких воздушных сил на западе, и они боялись, что немцы могут первыми пустить в бой свои реактивные самолеты. Считается, что в конце декабря более двух третей самолетов люфтваффе были направлены против американо-британских воздушных сил и что сосредоточение остальных боевых сил против запада было еще больше.

Продвижение советских войск на Восточном фронте, напротив, превзошло все ожидания. Крупные немецкие армии оказались в изоляции на севере и прижатыми к Балтике на западе. На юге, заняв Белград, войска Красной армии продвинулись по долине Дуная и угрожали разгромом крупным немецким силам в Венгрии. Но главное сосредоточение сил происходило на Центральном фронте у границ Польши, где завершались приготовления к откладываемому наступлению, в результате которого русские должны были попасть в Силезию, откуда открывался путь на Берлин. Именно на это и рассчитывали союзники на Западном фронте, на этот решительный удар с востока, который не позволит немцам отразить запланированное продвижение союзников к Рейну и через него.

На ранних этапах войны Советский Союз постоянно стремился к широкому сотрудничеству в боевых действиях с западными союзниками. Теперь настала очередь американских и британских военных властей, стремившихся обеспечить успешные весенние наступления на западе, просить гарантий, чтобы их советский союзник решительно продолжил свои наступления и поддержал их. Поэтому сопротивление гитлеровских войск на обоих фронтах вызвало, по крайней мере, чувство военной зависимости западных союзников от действий Советского Союза.

Командующие Западным фронтом, начиная с Эйзенхауэра, стремились узнать время и масштабы следующего наступления Советского Союза. Генерал Дин несколько раз пытался получить эту информацию. Когда он потерпел неудачу, попытался Гарриман. На пути из Вашингтона он остановился в ставке Эйзенхауэра, чтобы узнать точку зрения главнокомандующего на сотрудничество с Советским Союзом. 14 декабря он объяснил

Сталину, что Эйзенхауэр хочет действовать в согласии с русскими и оказать русским войскам всю необходимую им поддержку и поэтому должен знать ситуацию на Восточном фронте. Сталин сухо заметил, что Эйзенхауэр, должно быть, хорошо ее знает, но, вероятно, хочет узнать, что собираются делать русские. Однако прежде, чем информировать его об этом, он должен посоветоваться со своим штабом. Затем он пожаловался на недавние капризы погоды и сказал, что русские ждут подходящего часа, чтобы начать обширные боевые действия и использовать свое преимущество в артиллерии и в воздухе. Он обещал примерно через неделю дать Гарриману более полный ответ. Посол подчеркнул полезность этой информации, намекая на разные методы наступления, которые может предпринять Эйзенхауэр: постепенные передвижения или внезапный удар, и в этом случае знание планов русских окажется чрезвычайно ценным при принятии важного решения. Сталин только ответил: «Его желание будет удовлетворено». Но дни проходили. Гарримана не приглашали в Кремль слушать подробное изложение планов Советского Союза, а одна встреча Дина с Антоновым мало что дала.

На той же неделе декабря немцы, несмотря на морозы и снегопады, нанесли удар в Арденнах, где на протяжении примерно семидесяти пяти миль протянулся слабо укрепленный фронт. Для этого наступления Гитлер собрал все силы, какие только рискнул снять с других участков, в том числе боеспособные, сильные бронетанковые дивизии. Он иступленно верил, что ему удастся прорваться сквозь укрепления союзников к реке Мез, а затем, повернув на север и северо-запад, дойти до порта Антверпен и отрезать пути подвоза, от которых так зависели северные союзные войска, а также раздробить их силы. Этот безрассудный и угрожающий акт в первые несколько дней встревожил союзных командующих, расстроил их планы и вынудил отказаться от других планируемых операций.

Такой поворот событий еще больше стимулировал желание знать, как скоро и с какой силой русские собираются начать наступление. Поэтому 21 декабря Эйзенхауэр попросил Объединенный комитет еще раз постараться добыть эту информацию. Он известил их, что на Западном фронте появилось несколько немецких дивизий с Восточного фронта, и, если немцы перебросят еще, это может повлиять на будущую стратегию. Он продолжил: «Если... русские решат начать главное наступление в течение этого или следующего месяца, знание этого факта было бы для меня чрезвычайно важно, чтобы привести в соответствие с ним свои планы. Можно ли что-нибудь сделать в целях подобной координации?»

Эйзенхауэр добавил, что склонен направить члена своего штаба в Москву для взаимного обмена информацией.

Два дня спустя, 23 декабря, Рузвельт отправил Сталину послание, в котором намекнул, что инициатива исходит не от Эйзенхауэра, а от него. Он сказал о своем указании Эйзенхауэру командировать в Москву вполне компетентного офицера его штаба для обсуждения со Сталиным положения дел у Эйзенхауэра на Западном фронте и вопроса о взаимодействии с Восточным фронтом и попросил Сталина быстро ответить ему «...ввиду крайней срочности». Черчилль отправил подобное же послание. Сталин ответил обоим, что будет рад принять компетентного офицера от генерала Эйзенхауэра и «устроить с ним обмен информацией».

Эйзенхауэр выбрал своего заместителя, главного маршала авиации Теддера. Группа вылетела в Москву в начале января. Плохая погода на всей трассе полета задерживала их. Эйзенхауэр начал волноваться. Черчилль вызвался попробовать лично выяснить то, что так хотелось узнать Эйзенхауэру. «Попытаться?» – спросил он. Эйзенхауэр ответил, что будет рад, если он это сделает.

Не теряя времени даром, Черчилль 6 января выслал Сталину послание, заканчивающееся словами: поскольку главнокомандующему нужно принять важное решение, он, Черчилль, был бы благодарен, если бы Сталин сказал ему, можно ли рассчитывать на главное наступление в районе Вислы или где-нибудь еще в течение

января. Сталин ответил немедленно. Он повторил свои слова, сказанные Гарриману: русское командование ждет наступления хорошей погоды, чтобы воспользоваться своим преимуществом в артиллерии и в воздухе. Сейчас обстановка неблагоприятна для начала наступательных операций. «Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, в Ставке Верховного Главнокомандования решили ускорить подготовку к наступлению и, несмотря на плохую погоду, начать широкомасштабное наступление на всем Центральном фронте не позднее второй половины января».

Черчилль немедленно ответил: «Я в высшей степени благодарен вам за ваше захватывающее сообщение».

Новость о планах Советского Союза, несомненно, несколько успокоила Эйзенхауэра, но не совсем. Спустя неделю после получения желанной информации, в послании Маршаллу от 15 января, он обрисовал возможные варианты развития событий, выдающие его тревожное настроение. Если, говорил он, немцы перебросят часть своих войск из Германии и Норвегии и если наступление русских на Центральном фронте окажется слабым и неэффективным, весьма вероятно, что немцам удастся сосредоточить на Западном фронте сотню дивизий и сорвать весеннее наступление союзников. Эйзенхауэр рассчитывал к тому времени иметь под своим командованием всего восемьдесят пять дивизий, в том числе и французских.

Теддер со своими генералами наконец прибыл в Москву. В тот же день, 15 января, когда Эйзенхауэр излагал свои тревожные мысли Маршаллу, Сталин подробно рассказал гостям, что предполагает предпринять Красная армия. Сталин известил их, что крупное наступление русских на Центральном фронте с использованием 150–160 дивизий фактически уже началось, пока они находились в пути, и продлится два – два с половиной месяца. Цель этого наступления – дойти до Одера, но он, конечно, не знает, удастся ли это сделать. В чем вождь был совершенно уверен, так это в том, что его войска измотают и уничтожат немцев, как это произошло в битве за Будапешт. Бои будут упорными и закончатся не раньше лета.

Когда Теддер выразил удовлетворение, Сталин сказал: чтобы ликвидировать затруднительное положение союзников на Западном фронте, подготовка этого наступления велась ускоренными темпами, и началось оно при тяжелых погодных условиях. Прощаясь, он сказал: «У нас нет договора, но мы боевые соратники. Это правильная политика здорового эгоизма: мы должны помогать друг другу в трудных ситуациях. С моей стороны было бы глупо остаться в стороне и позволить немцам уничтожить вас. Разделавшись с вами, они тотчас же взяли бы за меня. Точно так же в ваших интересах сделать все возможное, чтобы не дать немцам уничтожить меня».

Теддер попытался выяснить, могут ли западные союзники рассчитывать на достаточно продолжительное наступление русских, чтобы защитить их войска во время весенних операций. Он спросил, смогут ли русские удерживать немцев с середины марта до середины мая. Сталин ответил, что он не может обещать все это время вести широкомасштабное наступление, но Красная армия будет по-прежнему делать все возможное, чтобы не допустить переброски немецких войск на Западный фронт. Это самое большее, что он может сделать, и самое определенное, на что его удастся склонить Теддеру.

Эйзенхауэр и Объединенный комитет начальников штабов почувствовали огромное облегчение и удовлетворение, ознакомившись с такой информацией. Президент, получив доклад Сталина о беседе с Теддером и о начавшемся наступлении советских войск, ответил благодарственным посланием.

Посол Гарриман и генерал Дин тоже были удовлетворены результатом визита маршала Теддера. Правда, ни один из них не верил, что это означает сколько-нибудь продолжительное изменение как политики Советского Союза, так и его манеры строить отношения с союзниками. Меморандум, который Дин представил на рассмотрение

Объединенному комитету начальников штабов 22 января, после отъезда Теддера, служит доказательством невеселых сомнений, ставших результатом каждодневного опыта. Дин отмечал, что для гостей, приехавших в Москву на короткое время, вполне возможно и обычно быть обманутыми теплым приемом и заверениями. Но слишком часто оказывалось так, что без точных и подробных письменных соглашений советское правительство не признавало никаких обязательств. Многие характерные методы и жесткая позиция советских властей по-прежнему мешали военному сотрудничеству. Они были уже знакомы всем американцам, имевшим дело с советскими официальными лицами: недоверие к иностранцам, запрет личных связей, как бы они ни были важны для общих интересов, полные и надежные меры собственной безопасности и отсутствие уверенности в мерах безопасности для граждан Соединенных Штатов и Великобритании, страх перед препятствием их политической свободе или нарушением их политических интересов и целей за границей, нежелание позволить иностранцам следить за деятельностью русских в освобожденных или оккупированных странах, желание держать русский народ в неведении относительно условий западного образа жизни. Это, отмечал Дин, будет препятствовать сотрудничеству, особенно если учесть, что советское правительство не считает это главным, но, уточнил он, обращает на себя внимание факт все усиливающегося понимания уместности тесного сотрудничества, поскольку идет постепенное сближение вооруженных сил, наступающих с востока и запада.

Дальнейшие события в основном подтвердили сомнения в отношении Советского Союза к дополнительным военным требованиям союзников и предложениям по согласованию военных операций. Но я думаю, что после тщательного изучения многих проектов, на которых настаивал американский Военный департамент, квалифицированный историк сделает вывод, что сопротивление Советского Союза не всегда было неоправданным. Обобщая и оставляя поле деятельности другим, скажем, что некоторые наши планы действительно требовали от советского правительства усилий и ресурсов, не оправданных ожидаемым военным результатом, а некоторые просто небрежно задевали гордость русских. Например, упорное требование предоставления военных аэродромов для американских бомбардировщиков в Приморье оказалось не таким уж необходимым.

Но мелкие недовольства и сомнения ранней весной 1945 года затмила радость от успешного наступления русских на Восточном фронте, улучшившего перспективы американо-британского наступления на Германию с запада. Позже будет сказано, что 4 февраля в Ялте на встрече глав трех государств это было отмечено при первой же беседе, когда они на короткое время вернулись к пакту о взаимопомощи, о котором мы только что говорили. Сталин подчеркнул, что ни одно соглашение, подписанное в Тегеране, не обязывало советское правительство проводить зимнее наступление, этого не требовал ни президент, ни премьер-министр, но, когда ему стало ясно, что они этого хотят, он отдал соответствующие распоряжения. Это, сказал он, в духе советского руководства, которое не только выполняет формальные обязательства, но идет дальше и выполняет свой моральный долг перед союзниками. К слову, следует отметить контраст между хвалебными в свой адрес словами Сталина о принятии военных решений и политике здорового эгоизма, о которой он говорил Теддеру!

Президент согласился со Сталиным, что в Тегеране договорились лишь о том, что каждый партнер будет наступать быстро и как можно дальше гнать общего врага. Черчилль отметил, что Сталину не предъявили никаких требований, потому что он и президент полностью верили в волю советского маршала, русский народ и боеспособность русских войск; поэтому не было предпринято ни одной попытки уговаривать его; и он всегда был уверен, что, когда наступление станет возможным, Красная армия нанесет удар. Очевидно, подозрение, что Красная армия умышленно откладывает свое наступление на Центральном фронте перед Варшавой до того времени, как мятежные поляки в городе будут обречены, постепенно ослабевало.

Обстановка на фронтах внушала оптимизм. К началу февраля войска Красной армии продвинулись на 200 миль по Центральной Польше, пересекли границу Германии, углубились в Верхнюю Силезию и находились менее чем в 100 милях от Берлина. Они форсировали Вислу к северу и к югу от Варшавы, 17 января взяли ее, а затем вышли к Нижнему Одеру, Штеттину и Данцигу. На севере дивизии Красной армии заняли Восточную Пруссию и установили контроль над ней, кроме Кенигсберга. Эти впечатляющие результаты до начала весеннего наступления на западе позволяли надеяться, что сопротивление немцев, возможно, будет подавлено сначала на Восточном фронте.

И все же, вероятно, из-за событий в Арденнах Эйзенхауэр и начальники штабов Соединенных Штатов были насторожены. Они по-прежнему тяготели к осторожной стратегии, считая ее разумнее любой другой. Она предполагала на ранней стадии наступления дойти до Рейна и укрепиться на его берегах. Затем на следующей фазе предполагалось совершить одновременные броски через реку с целью захвата плацдармов к северу и к югу от Рура. А на следующей и, как все надеялись, решающей стадии предполагалось основное наступление от нижнего Рейна к равнинам Северной Германии, а на юге второстепенное наступление на регион Майнц-Карлсруэ до Франкфурта, а оттуда на Кассель. Британские военачальники и фельдмаршал Монтгомери, поддержанные Черчиллем, на встречах в Объединенном комитете умоляли сосредоточить все союзные силы для основного прорыва на севере. Только так, полагали они, можно добиться быстрой решающей победы. Но американцы считали планируемое наступление более маневренным. Как будет сказано позже, эти разногласия вновь возникнут перед началом разработки броска через Рейн.

Следует упомянуть еще один вопрос, возникший на дискуссии о стратегии. В разговоре с Гарриманом (14 декабря) о положении на всех фронтах Сталин повторил предложение, сделанное Черчиллю в октябре, о переброске части союзных войск из Италии для наступления на Адриатику. Он сказал, что ни Эйзенхауэр, ни его штаб, конечно, не нуждаются в его советах, но единственное, что он может предложить, так это переброску пяти-шести дивизий с итальянского фронта в Далматию для наступления на Загреб, где они смогут соединиться с русскими в Юго-Восточной Австрии. Он быстро воспроизвел на карте задуманную им операцию. Сталин считал, что немцы либо будут вынуждены отступить, либо попадут в плен. Русские, говорил он, смогут дойти до Вены, и будет очень уместно, если там они встретятся с восемью – десятью англо-американскими дивизиями. Гарриман ответил, что Черчилль охотно сделал бы это, но при изучении метеорологической обстановки выявились препятствия для проведения наземных операций в верхней Адриатике, и решение пришлось отложить до весны.

У Черчилля возникла идея направить генерала Александера в Москву, где группа офицеров SHAEF (Верховный штаб союзных экспедиционных сил), возглавляемая маршалом Теддером, должна была обсуждать операции на Балканах. 2 января Рузвельт сообщил Черчиллю о своем согласии с подобным заданием Александеру, как представителю командования средиземноморского театра военных действий, но считает более правильным поручить это американскому заместителю Александера. Но эта идея, похоже, так и не была претворена в жизнь, если верить докладу фельдмаршала Уилсона Объединенному комитету от 8 января, в котором говорилось, что его войскам вскоре предстоит продолжить бои в Италии. Вскоре после этого Объединенный комитет, по согласованию с Черчиллем, решил направить во Францию для подкрепления сил Монтгомери три канадские и британские дивизии, действующие в Италии.

Сталин осторожно намекнул Гарриману, что армия под командованием генерала Деверса, находящаяся на южном фланге фронта во Франции, могла бы совершить прорыв, чтобы соединиться с русскими под Веной. Объединенный комитет оставил это предложение без внимания, как идущее вразрез с другими намечающимися ударами в

Германии.

Все эти и многие другие стратегические планы и предложения предстояло более подробно обсудить американским и британским начальникам штабов на Мальте; а затем их необходимо было обговорить с советскими начальниками штабов в Ялте на конференции, на которую американцы и британцы собирались в конце января.